На глубоких виражах

Сергей Данилович Луганский

SHOUT
SHARE
IT

- Луганский Сергей Данилович

Луганский Сергей Данилович
На глубоких виражах

Сергей Данилович Луганский

На глубоких виражах

Аннотация издательства: В центре Алма-Аты, в родном городе прославленного советского летчика Сергея Даниловича Луганского, стоит бронзовый бюст ему, дважды Герою Советского Союза. Свой боевой путь Сергей Луганский начал еще во время войны с Финляндией. В годы Великой Отечественной войны он покрыл себя неувядаемой славой как летчик-истребитель, сбив несколько десятков вражеских самолетов, доведя технику владения машиной в воздухе до совершенства. Немецкая служба наблюдения всякий раз предупреждала своих летчиков при появлении самолета Сергея Луганского: "Ахтунг! Ахтунг! В небе Луганский!" С первого дня до сражения у ворот фашистской столицы прошел дороги войны С. Д. Луганский. Он воевал на Дону, под Харьковом, в небе Волгограда и Курска, его полк прославился в воздушных боях над Польшей и Германией. В своих записках летчик Луганский рассказывает о боевых буднях советских соколов, о труднейшей военной профессии истребителя.

КРЫЛЬЯ

Звенящая жара над оренбургской степью. Сухой горячий ветер дует ровно и сильно. Пепельно-сизый ковыль послушно клонится под ветром, и если долго смотреть вдаль, то кажется, что по выжженной степи одна за другой прокатываются однообразные седые волны. Но мертва степь, и нет в ней никакого движения. Разве прогонит порой иссохший комок перекати-поля да в знойном, обесцвеченном жарой небе величаво и сонно проплывет на немыслимой высоте еле видимый крестик степного стервятника,

Тихо, сонно, безжизненно в степи.

Но вот где-то неподалеку, в стороне, раздаются резкие, оглушительно стреляющие в степной тишине выхлопы авиационного мотора. Треск мотора все громче, скоро слышится лишь слитный ровный гул. А вот наконец и сам самолет. Сорвавшись с недалекого аэродрома, маленькая машина проносится низко над нашими головами и взмывает в безоблачное небо.

Это боевой самолет, истребитель И-5.

Задрав головы, мы с восхищением наблюдаем за

истребителем.

Мы - это вчерашние восьмиклассники, только-только приехавшие по комсомольскому призыву в Оренбургскую школу летчиков. Никто из нас еще не видел боевых машин, не сделал выбора: кем быть, истребителем, бомбардировщиком, штурманом? Поэтому, не обращая внимания на иссушающий ветер, на яркий, режущий глаза солнечный свет, мы не отрываясь смотрим, как уходит в бескрайний воздушный простор маленькая стремительная птица. Болит шея, от напряжения ломит затылок, А летчик в небе начинает творить чудеса. Еще не набрав достаточной высоты, истребитель вдруг переворачивается через крыло - раз, другой, третий! Потом пилот бросает машину резко вверх, и она, послушная умелым рукам, взмывает почти по вертикали. Легко и непринужденно следует целый каскад фигур высшего пилотажа. Мощный гул мотора стоит над степью. Вот самолет накренился на крыло, - круче, круче! - и в таком положении описал безупречно чистую мощную кривую. Какой глубокий вираж!

- Ну? - толкаю я своего приятеля Николая Мурова, с которым мы вместе приехали из Алма-Аты.

- Да-а... - ошалело шепчет он, потирая занемевшую шею.

Рокот мотора замирает в безбрежном воздушном океане. И мы тут же решаем, что будем истребителями,

только истребителями. Неизвестный летчик на своей послушной машине покорил нас безраздельно.

...Кажется, все это было так недавно, но на самом деле я вспоминаю далекое время, счастливые и безмятежные дни юности.

У людей моего поколения юность кончилась с последними часами мирного времени. Мы почувствовали себя взрослыми в тот миг, когда над Родиной нависла грозная опасность, когда раздались первые залпы надолго затянувшейся войны, Мне было тогда двадцать один год.

Эскадрилья истребителей звено за звеном, тройками, срывается со льда озера Карку-Лампи и выстраивается в боевой порядок. Четкая линия самолетов плывет по бледному северному небу. Ровный гул моторов привычно стоит в ушах. На наших планшетах незнакомая территория. Внизу все бело. Зима, снег. Позади скоро скрываются знакомые очертания небольшого озерка, на льду которого полевой аэродром истребительного полка.

Наш аэродром расположен недалеко от границы с Финляндией. Мы принимаем участие в военных действиях, которые в то время назывались финской войной,

Нет необходимости подробно писать сейчас о причинах вооруженного столкновения с нашим северным соседом. Конфликт между СССР и Финляндией, переросший в конце ноября 1939 года в войну, был по существу навязан нам недобрососедской политикой финских правящих кругов.

Общеизвестно, что в декабре 1917 года правительство молодой Советской республики предоставило Финляндии независимость. Однако финская реакция толкнула свою страну на сближение с кайзеровской Германией и с тех пор неоднократно организовывала провокационные налеты на нашу территорию фашистских шюцкоровских частей. Пресловутая линия Маннергейма, а также обилие военных аэродромов на границе с Советским Союзом отнюдь не говорили о мирных намерениях финской военщины. Поэтому ясно, что в условиях обострившихся военно-политических отношений в Европе наша страна не могла оставаться безучастной к тому, что замышлялось на ее границах.

Колыбель Октябрьской революции Ленинград находился лишь в тридцати двух километрах от подготовленного финнами плацдарма. К тому же не защищены были вход в Финский залив и наш единственный на севере незамерзающий порт Мурманск. Чтобы обезопасить эти жизненно важные центры страны, Советское правительство предложило отодвинуть на несколько десятков километров советско-финскую границу на Карельском перешейке в обмен на вдвое большую территорию.

Финляндское правительство не приняло советских предложений.

Ныне известно, что именно Германия потребовала от Финляндии не допускать соглашения с Советским Союзом, в то же время экспортно-импортный банк США предоставил Финляндии заем в десять миллионов долларов.

Правящие круги Финляндии заняли враждебную и непримиримую позицию в отношении СССР.

В середине октября 1939 года в Финляндии была объявлена мобилизация запасных и введена всеобщая трудовая повинность, началась эвакуация населения Хельсинки, Выборга и других городов. На Карельском перешейке сосредоточились главные силы финской армии.

Положение становилось угрожающим. 26 ноября финская артиллерия произвела неожиданный обстрел советских войск под Ленинградом. Через три дня провокационная вылазка повторилась.

30 ноября войска Ленинградского округа перешли в наступление.

Со стороны Советского Союза это был вынужденный шаг.

СССР не преследовал цели лишить Финляндию независимости или оккупировать ее территорию, а стремился лишь воспрепятствовать использованию Финляндии как плацдарма для антисоветской войны.

Такова краткая предыстория советско-финляндской войны, ответственность за которую несут агрессивные империалистические круги.

В 1957 году Н. С. Хрущев с полным основанием говорил: "Исторический опыт недавнего прошлого показывает, что нарушение добрососедских отношений между Советским Союзом и Финляндией каждый раз оказывалось лишь на руку агрессивным кругам империалистических держав, интересы которых не имеют ничего общего с национальными интересами Финляндии".

Первое боевое задание...

Мы читали в газетах о мирных предложениях Советского правительства и были возмущены провокациями финнов. Приказ войскам Ленинградского округа о начале военных действий был встречен нами как справедливый акт возмездия. До сих пор помню, с каким нетерпением молодые летчики рвались в бой. Из-под Пскова, где стояла наша 14 истребительная бригада, мы перелетели сначала в Пушкинское село, затем в Новую Ладогу, в Ладейное поле и уже потом на Карку-Лампи.

В Пушкинском селе нас задержала непогода. Сидим день, сидим два, три, неделю. Да сколько же можно! Газеты полны сообщений о боевых действиях, наши там дерутся, а мы из-за какой-то непогоды вынуждены отсиживаться. Возбуждение было так велико, что все мы, недавние выпускники летных училищ, насели на комиссара бригады Гришу Кравцова. Претензии у всех одни: "Чего сидим? Даешь на фронт". Сейчас об этом смешно вспоминать, но в то время мы были готовы плюнуть на непогоду и лететь во что бы то ни стало, лететь в ночь, в пургу, в стужу. Все мы тогда самозабвенно пели: "Если завтра война" и "Когда нас в бой...", все верили, что любую из войн сможем выиграть "малой кровью, могучим ударом".

Бедный Гриша Кравцов успокаивал нас терпеливо и снисходительно, но в его спокойствии бывалого человека мы в своем азарте усмотрели чуть ли не равнодушие, и дело, помнится, дошло до партийного собрания...

И вот первый боевой вылет.

Впоследствии нашему истребительному полку приходилось заниматься и штурмовкой передовых позиций белофиннов и переброской продовольствия окруженной в лесах знаменитой Пролетарской дивизии, но в первый вылет мы встретили врага в

небе.

Руки мои привычно лежат на рычагах управления. Впереди и чуть в сторонке я вижу машину командира звена Владимира Пешкова, нашего старшего товарища и наставника. Я знаю, что он, как и все летчики эскадрильи, нетерпеливо и зорко всматривается в чужое стылое небо, чтобы не пропустить, первым заметить неприятельские самолеты.

Эскадрилья летит четко, как на ученье. Мы ведем поиск. Еще в школе инструкторы, бывалые летчики, прошедшие через бои в Испании и Монголии, внушали нам, что истребитель - хозяин неба. Истребитель - оружие атаки, он сам ищет врага и навязывает бой. "А что такое бомбардировщик? - с оттенком превосходства говорили инструкторы. - Висит, как горшок, и всего боится".

Далеко на горизонте, где белесое зимнее небо сливается с заснеженной землей, мы замечаем восемь черных точек. Ага, вот он, неприятель! Теперь скорее ввысь, чтобы набрать выгодную для атаки высоту. На полный газ включены моторы. Руки еще крепче сжимают рычаги, внутри все дрожит от нетерпения и азарта. Сейчас, сейчас!.. Неприятельские самолеты тоже набирают высоту. Сближаемся. Теперь уже отчетливо видно, что перед нами "фоккеры", немецкие машины. Их восемь, восемь вооруженных стервятников, готовых нападать, огрызаться, драться, готовых распороть твою машину пулеметной очередью и повергнуть на землю.

В каком-то диком, неуемном возбуждении я забыл обо всех наставлениях командира, потерял из виду соседей и на полном газу помчался навстречу "фоккерам". Мелькнули очертания неприятельских машин, трассирующие очереди, еще что-то, и я одумался, лишь увидев перед собой мирное безоблачное небо. А где же "фоккеры"? Неприятель умелым маневром вышел из боя, прижался к земле и уходил к себе. Вся наша эскадрилья сохраняла боевой порядок, и только я да мой товарищ Николай Муров, вырвались из строя. Тут только запоздалое благоразумие взяло верх. Какие же мы еще щенки, если так легкомысленно выскочили вперед! А боевой порядок? А закон боя, где ведомому отведено строгое место?! А заповедь истребителя - сам погибай, но товарища выручай?! Все забыли. И, видимо, родились мы с Муровым под счастливой звездой, если наша горячка благополучно сошла нам с рук. Будь у неприятеля равные с нами силы и прими он бой, не миновать бы нам смертельной очереди в хвост.

Виновато возвратились мы к эскадрилье, заняли свои места за самолетом Пешкова и так возвратились на аэродром. А уж что

было вечером, на разборе боевого дня, лучше и не вспоминать. Скажу лишь, что ребята у нас были опытные, познавшие как радость побед, так и горечь поражений. Бригадой командовал герой боев в Испании Евгений Холзаков, эскадрильей - участник сражений в Монголии Иван Попов, вместе с нами летали Герои Советского Союза братья Орловы и многие другие известные в то время летчики. Эти люди знали цену настоящей отваге, они не раз смотрели смерти в глаза, и если остались живы, то благодаря не одной безрассудной храбрости, но и высокому искусству боя, дисциплине и хладнокровию, без которых немыслим настоящий летчик-истребитель.

"Вразумляли" они нас так, что памятно до сих пор. Но суровый урок боевых товарищей пошел нам на пользу.

Повседневной "работой" истребителей на финском фронте было такое, казалось бы, малоподходящее для них занятие, как штурмовка передовых позиций. Наши наземные войска ломали хорошо укрепленную линию Маннергейма, и задачей авиации было помочь им разбивать долговременные опорные пункты врага, подавлять артиллерию и загонять пехоту в землю.

Особенно упорные бои разгорелись в феврале. Недавнее наступление наших войск не принесло ожидаемых успехов, атакующие части остановились перед второй линией обороны. Тогда командование фронта приказало вывести из боя головные дивизии для отдыха и пополнения, подтянуть резервы.

Три дня в районе Карельского перешейка бушевала метель. Нечего и говорить, что вся наша авиация крепко засела на своих аэродромах. Мы знали о готовящемся наступлении и ждали улучшения погоды.

28 февраля пурга утихла. Мощный артиллерийский шквал потряс укрепления белофиннов. В воздух поднялась авиация.

Низко над землей, почти на бреющем полете, проносились к линии фронта эскадрильи истребителей. Сверху хорошо видны результаты работы нашей артиллерии. Весь передний край противника буквально перепахан. На девственно-белом снегу чернела развороченная земля, валялись обломки дотов и дзотов, дымили взорванные склады.

С заранее подготовленных позиций двинулись в наступление наши танки окрашенные в белый цвет, они почти совсем сливались со снегом. Следом за танками поднялась пехота.

Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника.

В этот момент со мной произошел крайне неприятный случай.

Совершенно неожиданно я почувствовал, что с моим самолетом творится что-то неладное. Его вдруг дернуло,

вскинуло и, несмотря на все мои отчаянные усилия, перевернуло. Земля близко, и без запаса высоты я ни за что не смог бы выправить машину. На раздумья и принятие решения оставались считанные секунды. Вот-вот самолет могло кинуть в штопор и тогда...

Сильным, заученным еще в школе рывком я выбросился из кабины и камнем полетел вниз. Вскоре раскрылся парашют. Но самое прискорбное было то, что от резкого рывка с ног моих слетели тяжелые меховые унты, и я остался в одних носках. А мороз тогда стоял свыше пятидесяти градусов, и мы даже на лицо надевали предохранительные маски из тоненьких кротовых шкурок.

Приземлился я в глубокий, высушенный морозом сыпучий снег. Освободился от парашюта, вынул пистолет и огляделся. Эскадрилья моя ушла вперед, кругом было тихо, белофиннов не видно. Видимо, я находился на нейтральной полосе. Однако стоило мне приподняться, как раздалась короткая автоматная очередь. С величаво замерших в морозном сиянии деревьев тонкой кисеей посыпался снег. Я зарылся.

Неужели белофинны? Нет, живым они меня не возьмут!

Мне вспомнились товарищи по полку Фаткуллин и Корнюшин. Самолет командира эскадрильи Фаткуллина был подбит в воздушном бою, и летчик выбросился на парашюте. Приземлился он на вражеской территории. Сверху было хорошо видно, как бросились к беспомощному Фаткуллину финские лыжники. Кружа над поляной, наши летчики открыли сильный пулеметный огонь и заставили белофиннов залечь. А самолет лейтенанта Корнюшина пошел на посадку, чтобы подобрать попавшего в беду командира. Смельчак сел, но взлететь не смог. Видимо, помешал рыхлый глубокий снег. С отчаянием кружились летчики над оставшимися у врага товарищами, Что было делать? Горючее на исходе, нужно возвращаться на аэродром. Решили слетать на базу, быстренько заправиться и снова вернуться. Но когда вернулись, было уже поздно.

Мы потом с ужасом рассматривали обезображенные трупы летчиков. Белофинны вырезали на телах наших товарищей пятиконечные звезды, выкололи глаза, отрезали уши. Это было какое-то тупое, животное зверство...

"Нет, - подумал я, сжимая в руке холодную рукоятку пистолета, - все, что угодно, только не плен. Живым не дамся". И, не поднимаясь из снега, я пополз. Автоматные очереди раздавались еще раза два или три, потом все стихло. Очевидно, меня заметила белофинская "кукушка" - одинокий, притаившийся в засаде автоматчик. Я уполз, и "кукушка" потеряла меня из виду.

Теперь можно было подняться и оглядеться как следует. Где-то позади глухо прокатывались раскаты боя. Но здесь, на этом участке, стояла удивительная тишина. Далеко ли наши? Я с беспокойством пощупал свои ноги они уже не чувствовали боли. Неужели обморозил? Надо скорее к своим! Спасение мое только в быстроте. Я сбросил мешавший мне комбинезон и налегке побежал.

Сейчас трудно сказать, сколько мне пришлось, бежать. Помню лишь, что я бежал, бежал из последних сил, бежал!... Только бы не отморозить ноги!.. К счастью, я натолкнулся на наше боевое охранение, бойцы провели меня в землянку и в несколько рук принялись оттирать снегом. Здесь, в землянке пехотинцев, я впервые в жизни выпил стакан спирта. Выпил, согрелся и заснул.

Назавтра я был уже в своей части.

- Живой!!! - обрадовались товарищи, увидев меня целым и невредимым.

- Братцы, смотри, кто пришел!

- Серега!.. Друг!

Приятно было снова очутиться в родной эскадрилье.

После объятий и расспросов командир звена Владимир Пешков объяснил, что произошло с моим самолетом. Оказывается, волна истребителей шла чересчур низко, и моя машина попала в струю артиллерийского снаряда. Поток воздуха был настолько силен, что самолет перевернуло, Такие случаи, по словам Пешкова, бывали и раньше

- Ну, все хорошо, что хорошо кончается, - резюмировал он. - Как чувствуешь себя?

- Надо командиру эскадрильи представиться.

- Да, - спохватился Пешков. - Я совсем забыл! Пошли.

Командир эскадрильи Иван Иванович Попов был гораздо старше нас. Он уже успел повоевать в Монголии, имел награды.

Встретил меня Попов со сдержанной радостью. - А мы уж думали... Ну, садись, рассказывай. Как самочувствие! Летать можешь?

Мог ли я летать? После всего, что мне довелось пережить, я ни о чем больше не думал, как только подняться в воздух.

Отправляясь в этот же день на боевое задание, я почувствовал, насколько сжился с боевой машиной, с тем непередаваемым ощущением, которое испытывает летчик в полете. Я понял, что с небом теперь связана вся моя жизнь. Мне приятно было вновь взять в руки рычаги послушной боевой машины, видеть впереди и сбоку привычный строй эскадрильи. Здесь я на своем месте. Только после вчерашнего я как-то

остепенился, словно стал старше, спокойней, рассудительней.

Денек стоял серенький, облачный. Мы шли еще над своей территорией. Где-то здесь вот, - всматривался я в однообразную унылую картину внизу, произошло со мной вчера... Но узнать памятного места мне не пришлось. Совсем близко, прямо перед нами, из облаков вдруг вынырнул вражеский разведчик тихоходная двукрылая машина. Неприятельский летчик под покровом облаков незамеченным пробрался на нашу сторону и, время от времени "выглядывая" из облаков, производил съемку местности.

Увидев советские истребители, разведчик попытался было снова уйти в облака, но не успел. Командир нашего звена Владимир Пешков, покачав крыльями машины, что означало "делай, как я!" - устремился вперед и отсек разведчика от облаков. У Пешкова Две красных ракеты взлетели над аэродромом и, ненадолго повиснув, покатились вниз. Сигнал тревоги! Я бросился к своей машине. В небе еще не успел растаять дымный след ракет, а мой истребитель, разбежавшись по льду озера, взмыл в воздух. Время было военное, дорого каждое мгновение и у меня создался великолепный угол атаки. С двух сторон мы ударили по неприятельскому самолету и пулеметов.

Закончив очередь, я привычно положил машин, в глубокий вираж и вышел из атаки. Занимая новую позицию, глянул вниз и увидел, как сбитый самолет, пылая, словно факел, летел к земле, а в небе покачивался белый купол парашюта. Вражеский летчик успел выброситься.

Новое наступление, предпринятое Советским командованием в конце февраля, развивалось успешно. Преодолели линию Маннергейма. В районах Выборга, Кексгольма и Сортавалы сопротивление финской армии было сломлено. Перед советскими войсками открылся путь в центральную часть Финляндии и к ее столице. Финская армия, понеся огромные потери, не могла остановить наше наступление. Тогда финляндское правительство приняло предложение СССР о прекращении военных действий. Гремели последние залпы.

Однако для меня эти дни были омрачены досадным случаем, и только теперь, после столь длительного времени, насыщенного событиями исключительной важности, я могу разобраться в происшедшем тогда абсолютно спокойно и трезво. Впрочем, по порядку...

Еще не набрав достаточной высоты, я увидел виновника тревоги. Разведывательный самолет, такой же двукрылый, как сбитый нами накануне, почти прижимаясь к земле, уходил к линии фронта. Но если в прошлый раз нас была целая

эскадрилья, то сейчас я, как дежурный по аэродрому, поднялся в воздух один.

Удивительно, что разведчик не выказал по поводу погони ни малейшей тревоги. Или он не заметил меня? Да нет, должен заметить... Однако рассуждать было некогда. Зайдя над разведчиком сверху и чуть сбоку, я бросил свою машину в атаку. Приблизившись на короткую дистанцию, ударил из пулеметов. Все получилось как на ученье: разведчик загорелся с первого захода. Сделав круг, я полюбовался густым шлейфом дыма, который оставлял за собой горящий самолет, и лег на обратный курс. Выбросившихся на парашютах летчиков, конечно, подберут наши пехотинцы.

Весь день в нашей эскадрилье только и было разговоров, что о сбитом мной разведчике. Молодые летчики расспрашивали о деталях короткого боя - как заметил, как заходил в атаку, с какого расстояния открыл огонь. Более опытные товарищи сердечно поздравляли с "открытием лицевого счета".

Словом, совсем неожиданно я стал героем дня. А в этот же вечер...

На общем построении мне было приказано выйти из строя. Признаться, выходил я с вполне понятным душевным трепетом - надеялся: или какая-нибудь награда или, на худой конец, благодарность. Отпечатал положенные уставом шаги и замер по стойке "смирно". Товарищи смотрели на меня во все глаза они радовались, они ликовали вместе со мной.

Каково же было изумление всех, когда младшему лейтенанту Луганскому объявили об аресте и приказали сдать оружие. Я не поверил своим ушам: оказывается, сегодняшней молодецкой атакой я сбил... наш, советский самолет.

До сих пор не понимаю, как это произошло. Или разведчик шел без опознавательных знаков или я в горячке и азарте не заметил звезд на плоскостях. Но ведь был же сигнал тревоги! Значит, кто-то ошибся раньше меня, дав приказ подняться в воздух?.. Позор был неслыханный!

Меня взяли под стражу и отвели в какой-то сарай. Лязгнула дверь, загремел засов. Я бросился на землю и схватился за голову. Все было кончено. Не видать мне больше самолета, не подняться больше в воздух. Конец всему.

События на самом деле приняли весьма угрожающий оборот. Враг народа... От этих двух слов в ту пору леденела кровь. Человек с клеймом "враг народа" не мог надеяться на снисхожденье, он становился изгоем и исчезал бесследно. Еще в училище мы читали о потрясающих "разоблачениях". Погибали легендарные люди, чьи имена навеки связаны с историей

советской власти... Так называемые "враги народа" находились и среди нас. Вдруг узнавали мы, что арестованы такие-то и такие-то боевые товарищи, смелые, честные, безупречные люди. Что ни день, то "открытие"..

И вот ужасное обвинение пало и на мою голову. Враг народа... Это я-то! Мне хотелось плакать, кричать, взывать к справедливости. Что за чудовищная ошибка! Ну, виноват я, ну, накажите. Но - враг народа!.. Да никогда, никогда в жизни!

И вот долгими ночами, один-одинешенек, я много думал над тем, что произошло, перебирал в памяти все сколько-нибудь значительные события своей такой еще короткой, такой бесцветной жизни.

1936 год. Год замечательного взлета советской авиации. Беспримерные перелеты, высотные рекорды," "Комсомолец, на самолет!" - этот лозунг был в те дни самым популярным в нашей стране. Вот один из номеров "Комсомольской правды" лета 1936 года. Вся третья страница заполнена письмами юношей и девушек, которые горячо поздравляют славных соколов-летчиков с их выдающимися успехами и заявляют о своем желании влиться в ряды авиаторов. В центре газетного листа большая фотография - улыбающийся юноша в шлемофоне, с пристегнутым парашютом, снятый в полный рост, бодро шагает по полю аэродрома. Под снимком подпись: "Кто он, этот молодой летчик? Нужно ли называть его фамилию? Ведь он похож на тысячи своих сверстников, обучающихся искусству летного дела в авиашколах, аэроклубах, планерных станциях".

Снимок этот как бы символизировал массовый поход молодежи в авиацию.

Именно в те дни я и заявил своей матери о желании стать летчиком,

Мать пыталась отговорить меня. Она хотела, чтобы я стал врачом. Почти всю жизнь она работала прачкой и знала: врач - человек обеспеченный, уважаемый. Но я и слышать не хотел о враче. Тогда пошли к деду. У нас уж так было заведено: что дед скажет, тому и быть, Дед Афанасий был стар (дожил до ста семи лет) но сохранял ясность рассудка, был крепок и, главное, удивительно справедлив. У него было шестнадцать детей, и все слушались его беспрекословно. В Алма-Ату он приехал из Воронежа, целый год ехал на волах...

Выслушал нас с матерью дед Афанасий и неожиданно изрек:

- На великое дело Серега решился, нехай летает. Грех обрезать крылья, когда они сами растут.

Ах, если бы знал дед Афанасий, в какую беду занесут меня эти крылья!

Долго решалась судьба провинившегося летчика. Тряхнули тогда и деда и мать - все узнавали, кто такие, нет ли хоть в родне вражеского семени. Я не уверен, как закончилось бы дело, если бы не бригадный комиссар Ветров (забыл, к сожалению, имя и отчество).

Он один нашел в себе силы встать на защиту молодого летчика. Мне не довелось узнать, кто помогал бригадному комиссару в его борьбе за мою жизнь (а ведь в то время такое заступничество грозило бедами и самому Ветрову), но все завершилось благополучно.

И если мне не обрезали крылья, которые тогда только-только начинали прорастать, то лишь благодаря стойкому заступничеству справедливого, по большевистски ясновидящего человека с ромбиком бригадного комиссара в петлице.

После окончания военных действий наша эскадрилья была вызвана в Москву для получения правительственных наград.

Вечно юной, неповторимо прекрасной показалась нам древняя Москва. Целыми днями ходили мы дружным табунком по ее улицам, площадям, скверам. Великий город строился, озеленялся, москвичи деловито бежали по своим учреждениям и заводам, а вечерами заполняли парки, кинотеатры, кафе. Это был последний мирный год советских людей, и хоть события в Абиссинии, в Испании, в той же Финляндии говорили о приближающейся военной грозе, все же трудно было поверить, что ровно через год над нашей страной нависнет мрачная туча, разразится невиданная в истории кровопролитная война.

Группу летчиков часто останавливали москвичи, расспрашивали о военных эпизодах. А неутомимые московские мальчишки ходили за нами стайками. Милые неугомонные мальчишки! Совсем еще недавно я сам такими же восторженными глазами смотрел на летчика в форме, который приезжал в Алма-Ату набирать курсантов для Оренбургского училища. И вот теперь мне самому приходится удовлетворять жгучее любопытство мальчишек. А мальчишки хотят знать все, в каждом из них бьется горячее сердчишко будущего Чкалова, Серова, Громова. Многие из этих мальчишек повзрослели раньше поры, и вскоре нам довелось встретиться на фронтовых перекрестках...

Между тем наступил день вручения наград. Нечего и говорить о том волнении, которое мы испытывали, пересекая Красную площадь от Исторического музея к Спасской башне. На всех нас уже были заготовлены пропуска.

В торжественном зале нас принял А. Ф. Горкин. Он объявил, что Михаил Иванович Калинин сейчас выйдет и как бы между прочим попросил нас бы" поаккуратнее с рукопожатиями.

Отворилась небольшая боковая дверь, и вышел "всесоюзный староста" маленький сухонький старичок с бородкой клинышком. На нем серый в полоску костюм, простенькие очки. Взгляд пристальный добрый.

- Поздравляю вас, Сергей Данилович, с правительственной наградой, тихим голосом произнес Михаил Иванович.

Помня предупреждение Горкина, я бережно подержал в ладонях слабую старческую руку.

Ордена и медали получили все летчики нашей эскадрильи. Иван Иванович Попов, командир эскадрильи, получил орден Красного Знамени, командир звена Владимир Пешков был удостоен звания Героя Советского Союза. Тут же, в Кремле, я прикрепил к гимнастерке орден Красной Звезды.

Впоследствии мне довелось много раз получать всевозможные награды, но такого волнения, такого невыразимого подъема, как в тот памятный июньский день 1940 года, я уже не испытывал никогда.

На прощание мы всей эскадрильей сфотографировались с Калининым и вышли на Красную площадь. Летнее солнце щедро заливало огромный город. На Красной площади все было торжественно и величаво. Замерли часовые у мавзолея, сумрачно застыли у кремлевских стен сизые ели, С разноцветных маковок Василия Блаженного на нас, казалось, взирали века богатой событиями российской истории. В безоблачном голубом небе над Кремлем парило полотнище государственного флага страны Советов.

Здесь, на брусчатке славнейшей площади, мы все поклялись не жалеть ни сил, ни трудов, ни жизни самой, чтобы всегда чистым и безоблачным оставалось небо над нашей Отчизной.

ГРОЗНЫЕ ДНИ

Воскресенье 22 июня должно было пройти как обычный выходной день в воинской части. Днем на стадионе намечены были встречи волейболистов, ближе к вечеру - футбольный матч, а вечером в клубе готовился концерт художественной самодеятельности.

Встал я в этот день несколько позже обычного, вышел на балкон. С высоты третьего этажа мне хорошо виден наш аэродром. Позевывая, я облокотился на перила балкона. Было солнечно, жарко.

Но что это? Вместо привычной покойной картины аэродрома я увидел, как по полю бегают солдаты охраны, разбирают оружие и занимают оборону. Блаженное воскресное состояние слетело мигом.

- Маша, - крикнул я жене, - посмотри. Что-то неладно!

А в дверь квартиры уже стучал посыльный.

- Товарищ старший лейтенант, тревога!

Так началась война.

На аэродроме техники готовили самолеты. Когда мы прибежали, одно звено истребителей уже поднялось в воздух для патрулирования. Боевые машины унеслись в жаркое небо и скоро скрылись из глаз. Они искали врага, но враг был еще далеко. Как сообщила вечерняя сводка, немецко-фашистские войска вели бои на границе. Нашему полку было приказано обеспечить охрану моста через Дон. Значит, скоро нужно ждать немцев и сюда, к Ростову?! Неужели враг проникнет на нашу землю так далеко?

В обед у столовой нас всех ждали семьи. Жены плакали. Мы как могли успокаивали их. Тогда не верилось, что немцы продвинутся вперед. Мы были уверены, что врага остановят на границе, а затем боевые действия перейдут на его территорию.

Однако с каждым днем сводки становились все безрадостней. Враг мощной лавиной наступал на огромном фронте. Создалась угроза Ленинграду, пал Смоленск, немцы рвались к Москве.

У нас пока было относительное затишье. Дни проходили в боевых учениях, мы жили на аэродроме, спали под самолетами и ждали приказа вылетать. Вечерами все собирались у репродукторов. Новости были угрожающие. Немецкие войска приближались.

Война... Вот и война. Но как же так? - недоумевали мы. - Ведь буквально на днях, 14 июня, за неделю до войны, было опубликовано сообщение ТАСС о советско-германских отношениях. Я как сейчас помню это сообщение. "По данным СССР, - говорилось там, - Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы". И вдруг - как гром среди ясного неба...

Разумеется, мы тогда еще не знали, что Сталин, единолично принимавший решения по важнейшим государственным и военным вопросам, допустил крупную ошибку, недооценив реальной угрозы войны.

Немалая доля ответственности лежит на тогдашних руководителях Наркомата обороны и Генерального штаба, которые плохо разобрались в создавшейся военно-стратегической обстановке и не сумели сделать из нее правильные выводы. Все это выяснилось гораздо позднее.

Фронт был уже недалеко.

Наконец пришел приказ вылетать и нам. Нас собрали по

боевой тревоге. Командир полка Попов коротко доложил обстановку. Нам предстояло перебазироваться в район Таганрога.

Вылетали мы эскадрильями - одна за другой. Первой поднялась эскадрилья Владимира Пешкова. Мы построились в боевой порядок и взяли курс на запад. Там, впереди, измотанные и обескровленные, отчаянно дрались наши войска. Мы спешили им на помощь.

Большую роль в первоначальном успехе немецких войск сыграла авиация. Стремясь уничтожить советские воздушные силы и с первых дней войны захватить господство в воздухе, немецкое командование сосредоточило на восточном фронте, крупные силы своей авиации. Ко дню вероломного нападения фашисты перебазировали к нашим границам около четырех тысяч самолетов. Помимо этого более тысячи самолетов насчитывалось у Румынии и Финляндии,

Внезапность нападения позволила врагу уничтожить огромное количество наших самолетов непосредственно на аэродромах. Если к тому же учесть, что на вооружении советской авиации находились в основном самолеты устаревших конструкций, уступавшие немецким самолетам в скорости и маневренности, то станет очевидным преимущество, которые располагал противник.

И все же фашистские захватчики оказались бессильными подавить волю советских людей к сопротивлению. И на земле и в воздухе враг встретил та кой отпор, какого не ожидал,

В моих наушниках раздался быстрый говорок Николая Мурова:

- Сережа, Сережа!.. Вижу три самолета противника! Справа! Смотри! Справа.

- Вижу, - ответил я и отдал команду: - Разворачиваемся для атаки!

Наше звено барражировало над линией фронта атаки.

Однако "юнкерсы", заметив советских истребите лей, стали грузно поворачивать назад.

- Уходят, Сережа! - вновь услышал я беспокойный голос Мурова. - Ведь уйдут!

- В погоню!

Но фашистские бомбардировщики быстро удалялись.

Преследовать их было бессмысленно. Мы вернулись на свой аэродром.

Слух о том, что мое звено встретилось со знаменитыми "юнкерсами", скоро облетел весь аэродром. У наших машин собрались свободные от полетов летчики, техники, бойцы батальона обслуживания. Всем не терпелось узнать, каков враг,

так сказать, "при близком знакомстве". Ведь это была первая встреча нашего полка с немцами.

К сожалению, ничего подробно я рассказать не мог. Увидев нас, "юнкерсы" благоразумно повернули вспять.

- Ага, значит боятся! - ликовали техники.

- А ты думал! Кричат - "юнкерсы", "юнкерсы".. А они - видал?

Не-ет, бить можно и немцев. Дай только срок. Вот соберемся с силами да как двинем по зубам!

- Не так страшен немец, как его малюют.

Первая эта встреча с врагом, его трусость привели всех в боевое настроение. Немцы тоже боятся нас, немцев тоже можно бить!

А фронт все приближался.

На нашем направлении войска, только что приступившие к укреплению занимаемых рубежей, так и не успели создать прочную и устойчивую оборону. Противник после кровопролитных боев занял Мариуполь.

Летать на боевые задания теперь нам было совсем близко - линия фронта проходила неподалеку от аэродрома. Чтобы помочь нашим наземным войскам, истребители тоже занялись знакомым еще по финской войне делом - штурмовкой.

Упоенные победами, немцы вели себя нахально. Они подходили близко к линии фронта с полным презрением к опасности. Пылили колонны автомашин с пехотой, по обочинам дорог неслись мотоциклисты. Нашим истребителям, проникавшим в тыл врага, это было только на руку. Низко, на бреющем полете проносились мы над беспечным врагом, поливая его из пушек и пулеметов. Наши летчики расстреливали захватчиков в упор, как на полигоне. После налета ЛАГов в немецком тылу царила неразбериха и паника. Горели разбитые машины, дороги и обочины усеяны трупами.

Боевой пыл, возбуждение наших летчиков были столь велики, что многие не хотели вылезать из машин, дожидаясь в кабине, пока их заправят,

Бывало, сядет машина - ее тотчас окружают техники. Летчик высовывается из кабины, торопит:

- Давай-давай! Скорее!

Командир полка Иван Иванович Попов приказывает:

- На отдых! Все. Хватит. Видите, уже вечер.

- Това-арищ командир, - обиженно заводит летчик, - до темноты еще разок слетать можно. Ведь рядом же! Вы не знаете...

Попов сокрушенно качает головой:

- Ах, ребята, ребята. Смотри, Сергей, сами просятся. Цены нашим ребятам нет.

Поздним вечером, когда налеты были закончены и в наступившей кромешной тьме стал накрапывать мелкий дождичек, Иван Иванович вызвал меня из землянки и сказал:

- Видно, не миновать нам все же подаваться назад в Ростов. А ну как ночью он нагрянет на аэродром?.. То-то, брат.

Долго молчали. Значит, что же, снова отступление? А ведь оставляя свои семьи в Ростове, мы были уверены, что немцы Ростова не увидят никогда. Отступление... Проклятое, обидное слово!

- Съезди-ка, Сережа, в Ростов, - вдруг попросил меня командир полка. Посмотри там, что с нашими. Эвакуировать их надо.

Голос командира прозвучал глухо. Дождь барабанил по кожаному реглану. Огонек папиросы изредка освещал подбородок Попова, и тогда я видел горькую складку у его губ.

Той же ночью я вылетел в Ростов.

Город был в панике. Эвакуировалось оборудование Ростсельмаша, "Красного Аксая" и многих других заводов и фабрик, лабораторное оборудование вузов и научных учреждений, культурные ценности. Уходило на восток население.

Настойчивое стремление немецко-фашистского командования захватить Ростов объяснялось тем, что Ростов был не только важным экономическим и культурным центром Советского Союза, но и крупнейшим стратегическим пунктом на юге нашей страны. Гитлеровское командование считало Ростов "воротами" Кавказа.

С трудом проталкивался я по неузнаваемо изменившимся улицам города. Разбитые фашистской бомбардировкой здания. По улицам в тучах пыли проходили на запад колонны пехоты, грохотали танки. Гражданское население с детьми, стариками, со скарбом тянулось на вокзал.

Наш дом оказался целым. С бьющимся сердцем взбежал я на третий этаж. Дверь в квартиру распахнута. Я на цыпочках вошел, осмотрелся. Пусто, тихо, всюду следы поспешных сборов, Семьи моей не было, Я кинулся к одним соседям, к другим - тоже никого. Дом был пуст.

Я снова вернулся в квартиру. Жена, видимо, взяла с собой только дочурку. Я отыскал семейные фотографии, заколотил дверь и отправился на вокзал.

Что там творилось! Все пути забиты составами эвакуируемым имуществом. Бегают военные, требуя немедленного отправления воинских эшелонов. И тысячи, многие тысячи беженцев, совсем потерявших головы.

На вокзале я нашел своих. Они уже несколько дней ночевали

здесь, надеясь на какой-нибудь счастливый случай. Но беженцев все прибывало, а счастливый случай не представлялся.

Пока мы разговаривали, над станцией появился немецкий "хейнкель". С первого захода он принялся бомбить железнодорожные стрелки и эшелоны. Народ в панике кинулся бежать. Крики, слезы, давка. Пронзительный плач потерявшихся детей. А "хейнкель" сделал разворот и "прошелся" из пулеметов. Молча смотрел я на это бесчинство...

Отыскал начальника станции, но ни о чем путном, договориться с ним было невозможно.

- Вы же видите, что делается! - крикнул он, отмахиваясь от меня.

Ясно, что надеяться на счастливый случай безрассудно. Надо выбираться из города самим.

Пешком, с чемоданом в руках пошли мы за Дон. Нескончаемым потоком тянулись на восток беженцы. Тут же гнали тысячные табуны скота. Все живое уходило от врага.

Мне нужно было возвращаться в часть, Я попрощался с семьей, и вскоре жена с дочкой на руках затерялась в потоке уходивших на восток людей. Беженцы направлялись на Благодарное...

- Да, худо, худо, - вздохнул Иван Иванович, выслушав мой рассказ о том, что творилось в Ростове. - Ну, ладно. Надо за дело, Сегодня жаркий денек будет.

Я только сейчас обратил внимание, как осунулся, постарел, видно, за эти последние дни командир полка. Впрочем, все мы выглядели сейчас, наверное, не лучше. А, кажется, давно ли молодцевато прогуливались по Москве? Забылось. Война, тяжелые, напряженные дни...

Иван Иванович предугадал верно: день и в самом деле выдался напряженный. Враг, чувствуя слабеющее сопротивление наших войск, бросал в наступление все новые свежие силы. Он рвался завладеть "воротами" Кавказа.

С утра мы вылетели на штурмовку. Наше командование бросало в бой все, чтобы только задержать лавину гитлеровских войск и дать возможность нашим частям перегруппироваться, занять выгодные рубежи, наладить оборону. Из пушек и пулеметов истребители били по пехоте, по танкам и мотоциклистам. Положение складывалось такое, что об отдыхе некогда было и подумать. Только в первой половине дня мы совершили по четыре-пять боевых вылетов. Громадное напряжение!

После обеда стало известно, что гитлеровцы вводят в бой крупные силы авиации. Мы поднялись в воздух шестью звеньями.

В самом верхнем ярусе шло звено И. И. Попова, ниже - мое, еще ниже вел свое звено Володя Пешков, По вертикали мы как бы закрывали доступ на нашу сторону.

Скоро показались "мессершмитты", хищные, верткие, злые машины. Обе стороны устремились другу навстречу, одновременно набирая высоту.

Первым вступил в бой Иван Иванович Попов. Он пошел прямо в лоб ведущему "мессершмитту", тот не выдержал, отвернул и получил мощную очередь из всех пулеметов нашей командирской машин. Закончив атаку, Иван Иванович направил свой тяжелый ЛАГ по вертикали вверх. За ним тотчас же пристроился легкий и быстроходный "мессер". В верхней точке самолет Попова на несколько мгновений завис, и это решило его судьбу. "Мессершмитт" расстрелял его в упор. Машина командира полка камнем рухнула вниз.

Все это произошло быстро, в какие-то секунды! Воздушный бой вообще длится недолго.

Сбивший Попова "мессершмитт" выходил из атаки, и мне представилась прекрасная возможность отомстить за нашего командира. Я дождался, когда немецкий летчик зависнет и подставит "живот" машины, В прицеле мне отчетливо видны зловещие кресты. Я нажал на гашетку и буквально распорол очередью вражеские бензобаки. "Мессер" вспыхнул, как факел. Взяв ручку на себя и вбок, я положил машин в глубокий вираж - маневр, который я долго и тщательно разучивал еще в школе летчиков.

Выбирая новую цель, я видел, как мастерски сбил "мессершмитта" Володя Пешков. Кроме того еще две вражеские машины, оставляя после себя дымны хвосты, падали на землю. Это наши ребята мстили за гибель командира полка.

Конечно, ни о каком строе теперь не могло быть речи. В воздухе творилось что-то невообразимое. Сейчас все зависело от искусства и сообразительности летчика.

Чуть ниже меня кто-то из наших летчиков увлекся погоней и не заметил, как в хвост ему зашел "мессершмитт". Надо было выручать товарища. Вражеский летчик вовремя заметил мой ЛАГ и попытался уйти. Но я уже поймал его машину в прицел. Жму на гашетку, однако привычного содрогания, когда работает пушка, не чувствую. Пушка молчит. Какая досада! Тотчас бросаю машину в вираж, А что если немец бросится за мной? Но нет, "мессершмитт" привычно взмыл вверх по вертикали. На время мы разошлись, и я успел перезарядить пушку.

Следующую атаку я начал не выходя из виража. Этим-то и хорош маневр: описав кривую, ты вновь оказываешься в выгодном

положении. На этот раз пушка сработала исправно. Я видел, как от вражеского самолета полетели щепки. Еще один за нашего командира!

Бой затих, И немцы и наши устало отправились на свои аэродромы.

Тяжело, невыносимо горько было возвращаться без Попова. Мы потеряли хорошего командира, отличного боевого товарища. С Иваном Ивановичем многие из нас воевали еще в Финляндии, гуляли по Москве, вместе получали награды. И вот его не стало... Обидная потеря!

Один за другим опустились ЛАГи на аэродром. Обедали молча и снова молча разошлись по машинам. На моем самолете я насчитал восемнадцать пробоин...

Иван Иванович был прав, предсказывая напряженный день. Мы совершили по девять боевых вылетов.

К вечеру я еле таскал ноги. Когда я пожаловался на великую усталость своему технику Ивану Лавриненко, тот скупо буркнул:

- Так денек-то был!

И неторопливо захлопотал вокруг машины.

С трудом стянул я шлемофон и поплелся в землянку. Желание было одно: лечь и закрыть глаз" Интересно, долго ли мы выдержим такое напряжение? Ведь человек не машина... И тотчас же вспомнился Попов. Он сказал бы: "Человек не машина. Он сильнее машины". Эх, Иван Иванович... Надо буде написать его семье. Хотя куда писать? Ни от семьи Попова, ни от моих не было пока ни слова. Живы ли они Благополучно ли выбрались из прифронтовой полосы?..

Вечером летчики собрались в своей землянке, чтобы почтить память погибшего командира. Молча лили по кружкам водку. Место, где обычно сидел Иван Иванович, пустовало. Я вспомнил, как проводин разборы дня Попов: скупо, немногословно. У него было правило: ни слова вечером о задании на будущий день. "А то ребята спать не будут", - сказал он мне как-то.

В землянку вошел комиссар полка Иван Федорович Кузьмичев, бывший инструктор летной школы отличный пилот-истребитель. В полку он появился недавно, но уже успел подружится со всеми ребятами. Когда вошел комиссар, все встали, Иван Федорович остановился рядом с местом командира. Минутой молчания почтили мы память боевого товарища. Комиссар поднял свою кружку, в суровой тишине мы чокнулись.

После ужина мало-помалу завязался разговор. Разбирая сегодняшний бой, летчики отметили излюбленную манеру немцев вести бой на вертикалях. "Мессершмитт" легче нашего истребителя, быстроходней - немец всегда уйдет на вертикали.

Ошибка Попова заключалась в том, что он после атаки тоже пошел на вертикаль. Положи он машину в глубокий вираж - остался бы жив... Нет, нам нужно навязывать врагу свою манеру боя, на виражах. Правда, летчик при этом сильно страдает от перегрузок, но это пока единственное средство измотать противника, лишить его маневренности. Общеизвестно, что немцы не выдерживают лобовых атак, уклоняются от боя на виражах, избегают правых разворотов, чаще всего применяют левые фигуры. Значит, врагу надо навязывать такие положения, при которых дают себя знать конструктивные недостатки "мессершмитта", несколько зависающего на вертикалях. К примеру, немецкий самолет взмыл вверх. Гнаться бесполезно: "мессершмитт" быстроходнее. Лучше уйти в сторону и встретить врага на вираже, атакуя в лоб.

Забегая вперед, скажу, что манеру вести бой на глубоких виражах скоро усвоили все наши летчики. И даже впоследствии, когда у нас появились более быстроходные и облегченные машины, мы зачастую оставались верны испытанным и проверенным приемам воздушного боя, естественно, каждый раз внося в них необходимые элементы новизны, творческой смекалки.

Педантизм немцев недаром вошел в поговорку. Верны себе они оставались и на войне.

К войне немец относился как к хорошо продуманному и организованному трудовому процессу. А трудиться он привык "от" и "до". Взошло солнце - война началась, зашло - войне конец, пора на покой. Так по крайней мере, было в первый период...

Новый командир нашего полка майор Федор Телегин умело воспользовался этим слепым педантизмом противника. С некоторых пор ЛАГи стали совершать налеты на самом рассвете.

До восхода еще далеко, только-только начинает развидняться. Сыро, зябко, но летчики быстро рассаживаются по машинам. Истребители поднимаются в воздух. Курс известен хорошо: наш прежний аэродром в оставленном городе N...

Под покровом темноты заходим со стороны Азовского моря и совершенно неожиданно сваливаемся на голову противника. В этот ранний час немцы еще потягиваются, бреются и пьют кофе. Наш "визит" как нельзя кстати. Захваченные врасплох немцы и не пытаются взлететь, потому что нет ничего беспомощнее на свете, чем истребитель на взлете или посадке. И ЛАГи методично и совершенно спокойно "утюжат" беззащитную технику на поле аэродрома.

Позднее такие неожиданные налеты мы стали применять для того, чтобы блокировать вражеские аэродромы и дать

"отработать" нашим бомбардировщикам...

Новый командир полка с первых же дней поставил дело, как мы тогда говорили, "на конкретность". Ему неважен был боевой вылет вообще, он добивался от каждого летчика конкретных результатов. Поэтому вечером при подведении итогов дня он придирчиво выспрашивал, кем что сделано. И летчики постепенно привыкли фиксировать результаты своей работы. На вопрос командира полка отвечают:

- Подбил два бронетранспортера!

Или:

- Разбил паровоз!

- А как заметил, что разбил? - допытывается Телегин.

- Пар страшный поднялся, товарищ командир. Потом взрыв.

Молодец!

Но горе тому, кто атаковал сумбурно и палил, сам не видя куда.

Федор Телегин по-отечески опекал молодых, неопытных пилотов. Бывало, частенько собирал он нас, уже стреляных летчиков, и заявлял:

- Вот что, братва. Сегодня молодежь будет дома сидеть. У немцев такие звери появились! Как пить дать собьют. Пошли сегодня одни старики! И как правило вел "стариков" сам.

Случай этот произошел с Федором Телегиным поздней осенью, когда битва за Ростов достигла своего высшего накала.

В одном из воздушных боев нам удалось сбить и посадить на свое поле несколько "мессершмиттов". Вражеские машины достались нам совершенно целенькие. Один из трофеев Федор Телегин решил приспособить для разведки.

В самом деле, в простом и безыскусном замысле нашего командира полка крылись большие возможности. Кто из немцев обратит внимание на одинокий истребитель с фашистскими опознавательными знаками? Никто. А если и обратит, то подумает - свой. Мало ли зачем может летать над самыми позициями "мессершмитт".

Не раз и не два вылетал на трофейном самолете сам Федор Телегин во вражеский тыл. Немцы не обращали на "мессершмитт" никакого внимания. В то время много немецких летчиков вылетали на так называемую свободную охоту. За свободного охотника принимали они и Федора Телегина.

Майор Телегин кружил над маршевыми колоннами и штабами, он замечал концентрирующиеся для удара войска, заносил на карту скрытно готовящиеся позиции. Короче, сведения нашего разведчика были настолько важны и ценны, что командование фронта предупредило соответствующие службы об

одиноком "мессершмитте", выполняющем особо важные задания.

Немцы все-таки разгадали секрет таинственного самолета. Однажды, возвращаясь из очередного задания, машина была подбита - и Федор Телегин еле дотянул до наших передовых позиций. Здесь-то и произошел досадный курьез.

Не успел "мессершмитт" приземлиться, как его окружили наши пехотинцы. В Федора Телегина вцепились десятки рук.

- Ага, долетался!

- Давай-ка, брат, вылазь!

- Да тяни его, чего он!..

Напрасно Федор пытался доказать, что он свой русский, советский. Это лишь подливало масла в огонь.

- Нет, ты гляди, у него даже документы припасены! Ах ты, гад!

И - трах, трах по чему попало.

- Товарищи, - взывал Телегин, - да вы хоть на форму поглядите!

- Так у него еще и форма наша?!

Снова удары, еще пуще.

- Да вы что, с ума сошли?!

- Нет, он еще и лается! Бей гада!

Короче, "разделали" Федора так, что он еле на ногах держался. В таком виде его и доставили в штаб.

Когда наши ребята приехали за Телегиным, они с трудом узнали в оборванном, избитом человеке командира полка.

- Вы уж извините, - провожали его сконфуженные пехотинцы. - Ведь мы что подумали? А ну, думаем, какой-нибудь гад под нашего рядится? Разве не бывало?... Извините, ради бога. Погорячились.

Федор только рукой на них махнул - идите, дескать, к черту. После этой взбучки он недели две пролежал в госпитале.

- Еще хорошо, что жив остался, - покряхтывал он. - Ну, злые ребятки! То-то немец под Ростовом завяз...

У командира полка не было отдельной землянки. Для него отгородили небольшой уголок, где стояли топчан, две табуретки и столик с лампой.

- Проходи, садись, - сказал Телегин, разворачивая на столике карту.

Я стянул с головы шлемофон и осторожно опустился на табуретку.

Задание было такое: недалеко в тыл на бомбежку идут девять наших бомбардировщиков СБ. Их надо прикрывать.

- Бомбардировщики? - удивился я. - Днем?

- Да, днем, - сухо сказал командир, потом пояснил: - Танки.

Скопление танков. Видимо, Ростову на днях... Так вот, слушай дальше...

В прикрытие бомбардировщиков назначались мы с Муровым.

- Двое? - снова вырвалось у меня.

- А ты сколько хочешь? - неожиданно разозлился командир полка. - Сам же понимаешь... Кого еще?

Я замолчал, За время боев наши авиационный Насти понесли большие потери, а пополнения при ходили крайне редко. Многие полки насчитывав лишь половину летного состава: не было самолетов. Наша промышленность, эвакуированная из занятых районов на восток, еще не успела развернуться к новых местах.

Четко повторив задание, я вышел от командира. Техники уже подготовили самолеты.

Более горького чувства, чем в этом полете, я, кажется, не испытывал никогда. Наши бомбардировщики, тихоходные и маломаневренные, как утюги, ползли неторопливо и грузно. Я невольно вспомнил слова инструктора Н-ской школы: "Бомбардировщик висит, как горшок..." СБ действительно представлял собой превосходную мишень. Когда мы перелетали через линию фронта, немецкие зенитчики сбили две машины. Недалеко от цели нас встретили "мессершмитты". Мы с Муровым крутились, как волчки, но поспеть всюду было немыслимо. Еще два наших бомбардировщика рухнули на землю.

Оставшиеся машины сомкнули строй и упрямо продолжали полет к цели. На них летали отчаянно храбрые ребята, но одной храбрости в таких обстоятельствах было маловато.

После бомбежки при перелете через линию фронта мы потеряли еще два бомбардировщика. Таким образом, из девяти вылетевших на задание машин вернулись только три! Раньше мы читали, что в боях в Испании СБ зарекомендовали себя с самой лучшей стороны!..

Помнится, в сердцах я высказал Телегину, что это безумие - посылать среди бела дня беззащитные бомбардировщики на верную гибель. Для Испании, быть может, СБ были хороши, но здесь... Пусть летают ночью.

Рассудительный Телегин ответил, что, конечно, дневные бомбежки прифронтовых скоплений танков - занятие не для бомбардировщиков. Но не от хорошей же жизни наше командование идет на такие жертвы! Ростов висит на волоске, а каждый день задержки вражеских войск на Дону означает большой стратегический выигрыш. Ради этого и приходится жертвовать. Неужели непонятно?

Да нет, все мы понимали это. Но одно дело понимать, а другое - видеть, как на твоих глазах гибнут и гибнут смелые,

боевые, великолепные ребята. С этим примириться трудно. Черт возьми, настанет ли наконец день, когда мы, наши летчики будут давить врага превосходством в технике? Ведь в единоборстве немцы нам явно уступают. Значит, все дело в технике. Скоро ли она у нас будет?

Немцы напрасно бахвалились, разбрасывая листовки: "Ростов возьму бомбежкой, Кавказ пройду с гармошкой!" Под Ростовом нашли свою бесславную гибель отборные дивизии немецкой группы "Юг" под командованием фельдмаршала Рунштедта. И если наши войска все же вынуждены были оставить город, то только потому, что превосходство противника в живой силе и технике было слишком уж подавляющим.

Именно под Ростовом, помнится, у нас появились так называемые "безлошадные" летчики. То есть летчики были, а самолетов не хватало. И нередко приходилось опытных, хорошо владеющих машиной пилотов посылать в пехоту. И тут дело дошло до того, что летчики стали... перехватывать у своих же товарищей самолеты. Стоило только зазеваться охране, как в подготовленный к полету самолет забирался какой-нибудь "безлошадный" и - поминай как звали. К нам в полк однажды прилетело двое таких "удальцов"...

В штаб нашего полка стали доставлять странные "находки", Брошенные прямо на дорогу партийные билеты с вырванными фамилиями. Нытики и паникеры тогда совсем было поставили крест на советской власти. Федора Телегина эти "находки" выводили из себя. Обычно сдержанный, рассудительный, он разражался такой непечатной бранью, что оторопь брала даже самых закоренелых окопных сквернословов. И характерно, что у нас, летчиков, на эти "находки" выработалась своеобразная реакция: мы словно компенсировали трусость малодушных соотечественников и дрались с небывалым ожесточением. А соотношение сил в воздушных боях в те дни, как правило, бывало два, а то и три к одному в пользу врага.

Однажды, закончив полеты, я пришел к комиссару полка Ивану Федоровичу Кузьмичеву и подал коротенькое заявление.

- О! - воскликнул комиссар. - Давно пора, Сережа.

- Как-то казалось, что еще недостоин, - сконфуженно промямлил я. - Не подготовлен, что ли...

- У тебя уже шесть сбитых самолетов. А это, - комиссар потряс моим заявлением, - обяжет тебя драться еще лучше. Понял?

Вечером в нашей землянке состоялось партийное собрание полка. Было уже поздно, горела лампа. Товарищи сидели на нарах.

Произносить долгие речи было незачем, да и некогда, - с

рассветом начинался утомительной боевой день. Мне запомнились коротенькие выступления Володи Пешкова и Ивана Глухих, дававших мне рекомендации. Смысл бесхитростных речей обоих моих товарищей сводился к одному: достоин.

Собственно, и предложение тогда было одно: принять. Быстро проголосовали и разошлись.

Летчики улеглись, потушили лампу. А мне не спалось. То, что произошло сегодня, для моих друзей, видимо, было уже привычно и давно пережито. Но для меня это показалось исполненным какого-то великого смысла. Теперь я уже не тот, что прежде, теперь я обязан быть лучше, смелее, настойчивей... Я потихоньку встал и вышел из землянки.

На аэродроме продолжалась обычная малозаметная ночная жизнь. Возле самолетов возились техники. Одни осматривали моторы, другие пополняли боезапас.

На востоке забрезжила заря, В эту ночь я так и не уснул.

Мы вылетели на Ростов вскоре после того, как его оставили наши войска. Внизу, под крыльями самолета, проплывала многострадальная обезображенная земля. Дымились развалины взорванных элеваторов, горел хлеб. Дымный чад застилал поля. Казалось, горела сама земля.

Немцы наводили переправы через Дон. К Ростову тянулись колонны пленных. Мы с бреющего полета обстреляли конвой. Воспользовавшись суматохой, пленные бросились в разные стороны. Впоследствии мне довелось встречаться с людьми, которые сумели перебраться через Дон и вернуться в свои части.

В самом Ростове уже хозяйничали фашисты. На обратном пути над Доном у нас произошла короткая стычка с "мессершмиттами". Мы хотели выйти из боя и скорее вернуться на базу, но случай с самолетом командира эскадрильи Ивана Глухих заставил нас задержаться.

Бой с "месеершмиттами" уже закончился, когда мотор машины Ивана Глухих вдруг отказал. Видимо, случайная пуля все же повредила что-то в машине, Умело планируя, Глухих повел истребитель на посадку. Не выпуская шасси, он посадил его на "брюхо". Мы сверху видели, как "запахал" по земле самолет и, оставив недолгий след, замер и окутался клубами мерзлой пыли. Летчик был жив и невредим.

Передовые части немецких мотоциклистов, перебравшихся через Дон, видели происшествие с нашим самолетом. Несколько мотоциклистов, не разбирая дороги, помчались от берега к беспомощному летчику. Мы кружились так низко, что мне отчетливо видны были подпрыгивавшие на сидениях фигуры людей в кургузых мундирах, Иван Глухих выскочил из самолета и

в отчаянии огляделся. Бежать было некуда. Впереди лежала ровная, как стол, степь, позади, от реки, мчались прямо через поле мотоциклисты, С последней надеждой посмотрел Иван вверх, на наши самолеты.

Правый ведомый Глухих Володя Козлов бросил машину в пике и "прошелся" из пулеметов по мотоциклистам. Немцы остановились. Следом за Козловым в пике заходили остальные машины.

К счастью, недалеко от вынужденного места посадки оказалась ровная твердая площадка солончака. На нее я и повел свою машину. Самолет тряхнуло, едва он коснулся земли, однако затем машина выровнялась и спокойно стала. Я не выключал мотора.

Иван Глухих, не снимая парашюта, со всех ног бежал ко мне. Здесь, на земле, почему-то показалось удивительно тихо, только в небе, где не переставая кружились наши товарищи, время от времени раздавался треск пулеметных очередей. Это ребята не давали мотоциклистам поднять головы.

Бежать в комбинезоне и с парашютом было трудно. Иван взмок и задыхался.

- Быстрей, быстрей! - торопил я его, беспокойно поглядывая по сторонам.

Отчаянно ругаясь. Глухих полез ко мне.

- Ох, помоги! - взмолился он, взобравшись на плоскость.

Лицо его было красным, как после бани.

- Лезь живее! - крикнул я.

Неуклюже, как медведь, тепло одетый Глухих полез ко мне за спину. Но тут произошла новая беда: забираясь в кабину, Иван случайно зацепил каблуком за лапку зажигания. Мотор заглох.

Машины у нас старые, еще довоенные "И-16". Чтобы запустить мотора нужен амортизатор или стартер. Неприятный холодок отчаяния подкатил к сердцу. Ясно было, что самим нам мотора не запустить. Значит... И мы оба, не сговариваясь, посмотрели в ту сторону, откуда вот-вот могли появиться немецкие мотоциклисты.

Товарищи кружились над нами, не понимая, что могло случиться. Наконец, машина Володи Козлова пошла на посадку, Ребята решили ни в коем случав не оставлять своих в беде.

Мы с Глухих нетерпеливо топтались возле самолета. Оба думали об одном и том же. Ну, хорошо, сядет Володя Козлов, а как мы поместимся в машине сразу двое? Там одному-то места нет,

- Сережа, - проговорил, трогая меня за рукав, Глухих, - лети ты. А я уж... Оставь только мне пистолет.

- Не болтай! Чего ты... Вот подожди, вот сядет тогда и... Тогда и придумаем что-нибудь, А что?

Однако хоть я и старался говорить как можно бодрее, а у самого на душе скребли кошки. Как же все-таки нам разместиться троим?

Володя Козлов мастерски посадил машину на пятачок солончака и на тихом ходу подрулил к нам, Мы бросились навстречу. Из-за рева винта я не сразу разобрал слова Володи, Он кричал и показывал рукой куда-то вниз. Чего он? Я недоуменно опустил глаза.

- На шасси! - наконец разобрали мы оба.

Правильно, на шасси. Как это мы сразу не догадались! И не теряя больше времени, мы с Глухих обрадованно нырнули под самолет Володи Козлова. Кое-как пристроились на тросы шасси, для верности пристегнулись ремнями парашютов.

- Дава-ай! - ликующе заорал Глухих.

Он уж, видимо, совсем потерял надежду выбраться из этой истории.

Самолет тяжело побежал по полю. На неровностях его бросало из стороны в сторону.

- Давай... Давай... Ну же! - шептали мы.

"Неужели не поднимется?!"

Но вот самолет грузно оторвался от земли и, не набирая высоты, потянул к своему аэродрому. Над нами, прикрывая нас от случайного немецкого "охотника", сновали товарищи.

Скоро показался аэродром. Володя Козлов бережно, "на цыпочках", пошел на посадку. Я мельком взглянул на Глухих. У него по лицу гуляла блаженная улыбка...

Что говорить, происшествие было не из обычных...

Страшно смотреть, когда горит подбитая машина.

Только что самолет был ловок, увертлив, чертил в небе замысловатые кривые, нападая и уходя от врага. Казалось, в нем клокочет неиссякаемая сила. Но вот шальная очередь - и силы разом оставляют машину. Она теряет управление и начинает клевать носом. Густой шлейф дыма тянется за ней следом. Сначала робко, а затем все сильнее пробивается огонь. Закон земного притяжения уже целиком завладел самолетом, и он, объятый мощным пламенем, все круче и неудержимее устремляется на смертельную для него землю.

Так, в пламени и дыму, пронесся мимо меня самолет Володи Пешкова, старого боевого друга, великолепного летчика, Героя Советского Союза. Видимо, Володя был ранен, потому что так и не бросился на парашюте...

Мы вели тяжелый и неравный бой. На два наших звена

навалилось восемнадцать "мессершмиттов". Бой шел над нашим же аэродромом, который мы только что оставили. Машина Володи Пешкова сгорела на своей земле.

Володю сбил старый, опытный летчик. Я еще с самого начала боя обратил внимание на его машину. Он атаковал умело и остро, его "почерк" отличался точностью и скупостью. Тогда на нашем участке фронта появилось множество немецких асов, получивших немалый боевой опыт в Европе. После Ростова немцам открылась дорога на Кавказ и Сталинград, они бросили на ударные участки свои лучшие силы.

Я стал охотиться за зловещим "мессершмиттом". Выбирать удачный момент пришлось долго. Но вот передо мной хвост вражеской машины. В своем прицеле, как говорят летчики, я вижу даже заклепки "мессершмитта". Пора открывать огонь!.. Но в этот момент ужасный удар потряс мою машину. Раздался резкий треск, как будто чьи-то гигантские руки с чудовищной силой рвали обшивку моего самолета. Я понял: пушечная очередь. Увлекшись охотой я совсем забыл об опасности... Да и как тут за всем уследить, в сумбурной воздушной свалке?

На мой комбинезон брызнула струя горячего масла. Чем-то горячим обожгло ноги. Но самое страшное было то, что в кабину стал пробиваться дым. Загорелся мотор!..

Чтобы не задохнуться, я откинул фонарь и высунул голову. Но дым все гуще. Тогда я закрыл лицо перчаткой. Напрасно. Задыхаясь и чувствуя на лице жар пламени, я неуклюже полез из кабины. Самолет уже валился на землю.

Пока я спускался на парашюте, какой-то "мессершмитт" попытался сделать заход и сразить меня пулеметной очередью. Однако оставшиеся о воздухе друзья отогнали его и проводили меня до самой земли. Но как их мало осталось! Из шести наших машин уцелели лишь три. Кого же еще сбили? Кажется, Володю Козлова. Да, это его машина догорала на земле.

Спускался я удивительно быстро. Поднял голову и увидел: в куполе парашюта светятся несколько дыр. Вот невезение! Однако больше я ничего не успел подумать. Меня ударило о землю с такой силой, что я чуть не потерял сознание.

Под горячую руку вскочил и принялся "тушить" парашют. Болело все тело. Хорошо еще, что не поломал ног.

По инструкции летчик обязан не оставлять парашюта. Отдышавшись, я сбросил перепачканный в масле комбинезон, сгреб в охапку парашют и поплелся к дороге.

Ох, эти дороги военного времени! Сколько горя проковыляло, проехало по ним в незабываемые месяцы всеобщего отступления. День и ночь тянулся по дорогам нескончаемый поток людей,

скота, машин. Сколько времени прошло с того дня, как я побывал в Ростове? Немало. А ведь все это время дороги не затихали ни на минуту. Люди шли и шли, унося и увозя с собой все сколько-нибудь ценное. И это не под одним Ростовом.

Я стоял на обочине дороги, все еще держа в руках парашют. Мимо проходили почерневшие от пыли, солнца и лишений беженцы. Рюкзаки, детски коляски, самодельные тележки.

Гурты скота, поднимая пыль, шли прямо по целине. Грохотали тракторы, еле тащились комбайны.

Напротив меня остановилась бричка, запряженная парой крупных медлительных волов, В бричке на копне сена сидел сивоусый дядько с невозмутимым обожженным солнцем лицом. Он ничего не сказал только медленно поднял на меня взгляд. Я бросил в бричку парашют и полез на сено.

Волы снова потащили бричку.

Сверху мне хорошо видно поле, над которым только что шел бой. Неподалеку догорали несколько машин. Теперь уже невозможно было разобрав чьи это самолеты, наши или немецкие...

- Видел я, - вдруг густым басом произнес дядько, не вынимая из усов коротенькой прокуренной трубочки. - Видел... Лихо вас били. Это ж подумать только надо!

Я молчал. Что ему скажешь? И дядько надолго умолк, невозмутимо поглядывая прищуренными глазами на бесконечный и, видимо, привычный для нег лоток уходивших от врага людей.

- Ну, как думаешь? - снова спросил он. - Наверно, не побить нам немца? А?

Я удобнее сел и закрыл глаза.

- Посмотрим.

- О, посмотрим... Как будто в кино пошел посмотрел. Ох, скорей бы уж, что ли...

Под монотонное бормотание возницы, под скрип и покачивание брички я задремал...

На аэродроме первым, кого я увидел, был техник Иван Лавриненко. Как обычно, он ждал меня из боя и не садился один обедать.

- А мы уж!.. - только и проронил он, обрадованно хлопоча возле меня и забирая парашют.

Оказывается, не садились обедать и техники Володи Пешкова и Володи Козлова.

Лишь сейчас в полной мере почувствовал я всю горечь утраты двух своих близких товарищей. А впереди еще ночь, когда особенно мучительно чувствовать, что пустуют места на нарах по соседству с тобой. Еще вчера вечером оба Володи весело

балагурили, укладываясь спать, а сегодня... Проклятая война, проклятый враг! О, ты еще заплатишь за кровь наших ребят!

В землянке Иван Лавриненко налил мне кружку самогона, которым летчики неизменно запасались, приготовил нехитрую закуску. Я медленно вытянул самогон и долго сидел с опущенной головой. Скверно, тяжело было на душе, будто все виденное и пережитое - неравный бой, гибель друзей, незабываемая картина отступления - все это навалилось разом.

- Знаешь, Иван Иванович, - тихо пожаловался никогда еще так жарко не было, как сегодня... Как сейчас.

Вместо ответа техник принялся честить Гитлера присных его, призывая на их головы все существующие на свете кары, но между прочим высказал опасение, как бы в дальнейшем не пришлось еще труднее, еще жарче. Спорить с ним не имело смысла. Каждый сколько-нибудь понимающий в военном деле человек прекрасно отдавал себе отчет в том, что после Дона немцы вырвались на оперативный простор и следующим серьезным рубежом обороны будет только Волга.

ВОЛЖСКОЕ НЕБО

Маленький кургузый автобус везет нас в ила фронта. Окна в автобусе открыты, и в лица пышет жаром раскаленной степи, пылью. По обе стороны дороги простирается степь, раздольное русское Заволжье. Война дошла и сюда. Глаз привычно скользит по примелькавшимся приметам войны: на земле сожженные остатки самолетов, в небе - стремительно проносящиеся к Волге звенья истребителей.

Впереди слышится мерный, не прекращающийся ни днем, ни ночью гул канонады. Это тоже стало привычным.

Третий месяц продолжается беспримерная в истории войн битва на Волге. Третий месяц у стен героического города на великой русской реке перемалываются отборные войска гитлеровского рейха. "Этот город, - писал впоследствии западногерманский историк В. Герлиц, - впитал потоки немецкой крови превратился постепенно в Верден восточного похода".

Нам неизвестна причина вызова в штаб фронт.

Кто-то высказывает предположение, что будут вручаться награды. Но ему тут же возражают - в такое горячее время едва ли будут отрывать от дела столько людей. Нет, причина в чем-то другом.

А время действительно горячее. Бросив на Сталинградское направление около тридцати дивизий и более тысячи двухсот самолетов, противник подошел к самому городу, а на ряде участков прорвался к Волге. Численность наших войск была вдвое меньшей, а в авиации - в три и даже в четыре раз И если в состав

немецко-фашистской авиации входили лучшие истребительные и бомбардировочные эскадры, вооруженные современными самолетами, то наша авиация на три четверти состояла из самолетов устаревших конструкций. К тому же очень тяжелыми были и условия базирования: отсутствовали подготовленные аэродромы, склады авиационного имущества, боеприпасов и горючего...

В штабе фронта нас пригласили в просторный, хорошо оборудованный блиндаж. Здесь были представители всех авиационных полков. У стола с огромной развернутой картой стояла группа генералов. Я узнал А. М. Василевского, А. И. Еременко, Н. С. Хрущева. Здесь же был и командующий нашей Восьмой воздушной армией генерал-майор Т. Т. Хрюкин.

Летчики выстроились вдоль стены. В группе генералов я только теперь заметил невысокого человека в кителе, с рыхлым отечным лицом - Г. М. Маленкова. Он-то и принялся "накачивать" летчиков.

- Кто вел такого-то числа бой в ...? - тихим голосом спросил он и назвал район в пригороде Волгограда.

Генерал-майор Хрюкин отвечал.

Заглядывая в бумажку, Маленков спрашивал фамилии командиров авиационных полков, самолеты которых, по его данным, недостаточно активно вели бой такого-то числа. Большинство "виновных" присутствовало здесь. Маленков, по-прежнему не повышая голоса, коротко отдавал приказания: того под суд трибунала, другого - разжаловать...

"Хороши награды", - подумал я.

- Ну, а теперь скажите вы, генерал в тюбетейке, - насмешливо обратился Маленков к командующему армией Хрюкину, который был в форменной пилотке - вы что же, воевать собрались или в бирюльки играть?!

Генерал Хрюкин, человек большой личной смелости и выдержки, отчаянно покраснел. Неловко было и всем нам. Конечно, накачки накачками, но чем же в такой оскорбительной форме!

В заключение говорил коренастый генерал с квадратным решительным лицом - представитель ставки Верховного Главнокомандующего. Его приказания были коротки и вески.

Саперам - за сорок минут навести переправы через Волгу.

Генералу Родимцеву - переправить полки своей Тринадцатой гвардейской дивизии на правый берег.

Капитану Луганскому - прикрыть переправы, что бы на них не упала ни одна бомба. За невыполнение - под суд трибунала...

Я был так ошеломлен всем виденным и слышанным, что

перевел дух только в машине.

Это был памятный день 14 сентября 1942 года, один из наиболее тяжелых в обороне города.

Введя в бой на узком участка фронта шесть дивизий, поддержанных с воздуха сотнями самолетов противник прорвал нашу оборону, захватил вокзал и вышел к Волге. Наши части на правом берегу оказались отрезанными с севера и с юга. Враг пытался заблокировать их: воспрепятствовать подвозу с левого берега боеприпасов и продовольствия, не допустить переброски через Волгу свежих резервов.

Дивизия генерала Родимцева и должна была по нашим прикрытием переправиться на правый берс на помощь защитникам города.

Ужасную картину представлял собой разбитый Волгоград, Громадный цветущий город, в котором до войны проживало около шестисот тысяч человек, превратился в сплошные развалины. Из строя выведены водопровод, электростанции и городской транспорт. Город горел, и зарево гигантского костра было видно на много километров.

И вот эти развалины героического города много недель не сходили со страниц оперативных сводок. Наши части дрались за каждую улицу, за каждый дом, за каждый камень.

"Ни шагу назад!" - гласил знаменитый приказ э 227, "...Пора кончать отступление, - говорилось в приказе. - Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать до последней возможности".

В своих мемуарах гитлеровские генералы, пытаясь оправдать поражение под Волгоградом, обычно ссылаются на то, что Волгоград был сильной крепостью, опоясанной мощными инженерными сооружениями. Однако справедливости ради следует отметить, что город этот никогда не был крепостью. Вокруг него не имелось ни фортов, ни крепостных стен, ни мощных оборонительных рубежей. Захватив гряду пологих высот с песчаными холмами на южной окраине и цепь курганов, обступающих город амфитеатром с запада, враг получил возможность насквозь просматривать город и переправы на реке.

Поэтому, если уж говорить о Волгограде как о крепости, то следует сказать, что настоящими фортами и бастионами города были прежде всего мужественные сердца советских людей, героически защищавших Волгоград, их непреклонная воля к победе. Именно об эту крепость и разбилась лавина войск, огня и стали, обрушенная гитлеровцами на Волгоград.

Вот что писала 27 сентября 1942 года американская газета

"Нью-Йорк геральд трибюн":

"В невообразимом хаосе бушующих пожаров, густого дыма, разрывающихся бомб, разрушенных зданий, мертвых тел защитники города отстаивали его со страстной решимостью не только умереть, если потребуется, не только обороняться, где нужно, но и наступать, где можно, не считаясь с жертвами для себя, своих друзей, своего города. Такие бои не поддаются стратегическому расчету: они ведутся с жгучей ненавистью, со страстью, которой не знал Лондон даже в самые тяжелые дни германских воздушных налетов. Но именно такими боями выигрывают войну".

Трудно передать, что творилось в небе Волгограда. На позиции, занимаемые нашими бойцами в разрушенном городе, десятками пикировали вражеские бомбардировщики. Сотни, тысячи бомб, казалось, перемололи не только каждый камень развалин, но и самую землю. Над бомбардировщиками кружилась карусель истребителей. То и дело завязывались ожесточенные схватки, и тогда небо чертили трассирующие очереди, а сбитые машины чадными факелами падали на землю, вздымая фонтаны грязи, гари и обломков.

У нас в полку осталось восемнадцать самолетов. Восемь из них я повел на прикрытие переправ.

Враг встретил нас над Волгой. Нам навстречу литым хищным строем неслась группа "мессершмиттов", а чуть выше - "хейнкелей". По "почерку" было видно, что летчики - опытные. У немцев, как правило, на "хейнкелях" летали старшие офицеры, нередко вплоть до полковников. Это были асы знаменитого Четвертого воздушного флота под командованием генерал-полковника Рихтгофена.

Немцы были настолько близко, что времени для маневра не оставалось. Я успел отдать короткую команду и, выбрав ведущего вражеской группы, пошел на сближение. Сходились мы на лобовых атаках. Советские летчики уже успели узнать как сильные, так и слабые стороны немцев. В частности, ни один из вражеских летчиков, даже прославленные асы, не выдерживали лобовой атаки. Этим как раз и объясняется, что за всю войну немцы не совершили ни одного тарана...

Стремительно, со страшной скоростью сближались истребители. В лобовой атаке есть один непреложный закон: отворачивать нельзя, иначе с близкого расстояния противник буквально распорет тебя пулеметной очередью.

Нервы немца не выдержали. Когда до столкновения остались какие-то секунды, он ловко нырнул вниз. Это был единственный спасительный маневр. Пойди он вверх или отверни в сторону, я

расстрелял бы его в упор.

Однако немецкий летчик не учел одного: возможности тарана. Мой тяжелый самолет на полной скорости с такой силой ударил его левой плоскостью, что начисто снес стабилизатор. Потеряв управление, машина свалилась в штопор.

Смотреть, выбросился ли летчик на парашюте, не было времени. Вокруг кипел бой, и секунды промедления могли дорого стоить. К тому же переправа была под нами, и я помнил категорическое предупреждение решительного генерала в штабе фронта...

В этот день мы надежно прикрыли переправу.

Из наших ребят не был сбит никто, но трое еле дотянули до аэродрома. Их машины были настоль изрешечены, что казалось чудом, как они не развалились в воздухе.

А переправа шла своим чередом. Батальоны Тринадцатой гвардейской дивизии прямо с марша грузились в речные трамваи и на суда волжской флотилии, в лодки и на плоты. По наведенному саперами мосту перетаскивали легкую технику.

Видя, что с воздуха переправа неуязвима, враг обрушил на Волгу артиллерийский и минометный огонь. Сдавая "смену" в воздухе своим товарищ, и отправляясь на аэродром, я бросил быстрый взгляд на переправу. Волга, казалось, кипела от разрыв снарядов и мин. Нередко от прямых попаданий под лодка с бойцами взлетала высоко в воздух. Но гвардейцы упрямо стремились на правый берег. К утру следующего дня в Волгоград переправились два полка дивизии. Они с ходу атаковали врага и выбили его из центра города. А еще через день гвардейцы дивизии Родимцева штурмом взяли Мамаев курган.

Конечно, в масштабах всей войны такие на первый взгляд незначительные успехи могут показаться мелочью. Но в битве на Волге решающее значение имели буквально метры оставленной и отвоеванной территории. Так было на земле, так было и в воздухе...

Дни и недели шли бои, длительные и ожесточенные бои. Казалось, им не будет конца.

Стояла поздняя осень. Несколько раз выпад, снег, но его быстро сдувало резким степным ветром, Сегодня, однако, выдался тихий, погожий день. Вернувшись из полета, я остановил машину у своего обычного места и отстегнул ремни парашюта, Снял шлемофон. Разгоряченную голову охватил прохладный ветерок. Кое-где лежали нетоптанные полянки набившегося в траву снега.

По дороге в столовую я обратил внимание на новенький самолет, стоявший в сторонке. На хвосте у него красовалась

крупная цифра "9". Это был ЛА-5 одна из последних моделей истребителя. В это время вообще в нашу воздушную армию стали прибывать самолеты нового типа: ЯК-7, ЛА-5, Пе-2 и ИЛ-2.

Новенький истребитель однако уже успел побывать в серьезной потасовке. На его плоскостях зияли пробоины.

- Ого! - удивился я. - Где это тебя так?

Возившийся у самолета летчик выпрямился и обернул ко мне смуглое, с необычайно густыми и выразительными бровями лицо.

- Да понимаешь, - с легким акцентом заговорил он, осторожно утирая испачканной рукой лицо. - Навалились со всех сторон. Дыхнуть не давали,

Я покачал головой. В пробоины свободно пролезал кулак.

Летчик быстро закончил свои дела, и мы вместе пошли в столовую. Так состоялось мое знакомство с Володей Микояном, летчиком соседнего истребительного полка, который базировался на нашем же аэродроме.

Микоян уже слышал обо мне от своих товарищей и принялся расспрашивать о последних боях. Сам он воевал недавно, окончил школу летчиков и вот попал на фронт.

Мы шли по узенькой тропинке. Планшеты, едва не задевая землю, привычно хлопали по ногам

В столовой было пусто: многие летчики еще не вернулись из полета. Мы сели за длинный стол.

Днем летчики не пьют. Ни один не соблазнится рюмкой перед полетом. А нам в этот день еще предстояли вылеты... Другое дело вечером, когда нужно дать разрядку натянутым до предела нервам.

За обедом я спросил Володю, где он получил такие пробоины.

- Понимаешь, по глупости чуть не пропал. Мальчишество! Сбил одного и видишь ли - захотелось посмотреть, как он горит. Вот тут-то мне и дали! Как только живой остался?!

О новом истребителе он отзывался похвально, однако и эта машина была тяжеловата. На вертикальном маневре она проигрывала "мессершмиттам". Относительно боя на виражах Володя высказался, то это все-таки оборонительный маневр. Надо преследовать немцев и на вертикалях, лишить их излюбленной манеры... Я заспорил. Бой на виражах отнюдь не оборонительный. Если только навязать врагу свою волю... Конечно, желательно не отказываться и от боя на вертикалях, но пока что, с такими самолетами...

- Простите, - перебил меня Володя, поднимаясь из-за стола.

За ним пришли.

В этот день поговорить нам больше не удалось. Не закончив обеда, Володя наскоро попрощался, схватил шлемофон и побежал

к своей "девятке". Срочный вылет. Такое у нас случалось частенько.

Начальника политотдела Восьмой воздушной армии генерала В. И. Алексеева все летчики уважительно звали Батей. Василий Иванович не только знал всех "стариков" своей армии, но и их семьи, со многими матерями и женами он регулярно переписывался, посылал посылки. У меня, например, до сих пор сохранилась с ним самая теплая дружба...

Прилетев на наш аэродром, генерал Алексеев спросил капитана Луганского,

- В воздухе, - озабоченно ответил Кузьмичев, Долго вот что-то нет.

Был одиннадцатый час утра. Я успел сделать два боевых вылета.

Когда вернулся, нам с ребятами принесли завтрак прямо к самолетам. Мы расположились на земле.

- Вон они, - сказал комиссар полка И. Ф. Кузьмичев, - Идемте.

- Нет-нет. Пускай спокойно поедят, - остановил его генерал.

Через некоторое время Алексеев взглянул часы.

- Ну, пошли.

Я издали заметил на поле аэродрома знакомую фигуру генерала. Батя, наклонив голову, неторопливо шагал к нам.

Летчики вскочили. Я коротко доложил.

- Как дела? - расспрашивал генерал. - На самолеты не жалуетесь?

- А чего жаловаться? Летаем. Но если будут получше этих - не откажемся.

- Скоро, скоро, товарищи, все будет, - сказал Батя. - Был большой разговор с конструкторами, Понимаете?.. И вообще скоро все будет иначе.

В словах генерала был намек на какие-то изменения в обстановке. Уж не наступление ли? Наконец-то! Скорей бы уж!

Закончив расспросы, генерал на минуту замолчал и переглянулся с Кузьмичевым. По лицу полкового комиссара скользнула одобрительная усмешка. Батя полез в планшет и достал новенький партийный билет, Я сразу догадался и невольно вытянулся по стойке "смирно". Генерал поздравил меня со знаменательным событием, по-отечески похлопал по плечу:

- Много говорить не буду, но такое у человека бывает раз в жизни... Ладно, спрячь и пошли-ка в сторонку.

Закончив, так сказать, официальную часть, Василий Иванович принялся расспрашивать меня о семье. К тому времени жена с дочкой сумели добраться до Алма-Аты и прислали мне весточку.

- Смотри, как все хорошо получается, - порадовался вместе со

мной Батя. - Дай-ка мне их адресок.

В это время над полем взвилась ракета: на вылет! Я осекся на полуслове и вопросительно поглядел на генерала.

- Ну, ничего не поделаешь, - сказал он. - Сам понимаю. Давай, беги. Смотри, ребята уж... Я, может быть, дождусь тебя! - крикнул он вслед. Кузьмичев потом рассказывал, что Батя долго ждал возвращения нашего звена, но так и не дождался. Времени было в обрез, в ему в этот день предстояло побывать в нескольких полках.

Генерал Алексеев не зря намекал на близкие перемены. О том, что в скором времени наши войска перейдут к решительным действиям, говорило многое: непрерывные пополнения в летном составе и технике, сугубо засекреченная концентрация мощных резервов танков и пехоты, а, главное, тот боевой наступательный дух, который постепенно овладевал каждым бойцом, каждым командиром.

Особенно радовало нас, что авиационные полки получили большое количество новых самолетов-истребителей, летные данные которых позволяли нам теперь вести бой не только на виражах, но и успешно применять вертикальный маневр...

Приближался намеченный ставкой день наступления. Предстоящая операция, условно названная "Уран", отличалась своей целеустремленностью смелостью замысла и размахом. Контрнаступление мыслилось как стратегическая операция трех фронтов - Юго-Западного, Донского и Сталинградского Советским войскам предстояло прорвать оборону врага, разгромить его войска северо-западнее и южнее Волгограда, а затем, наступая по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить всю ударную немецкую группировку.

Разгром основных сил немецко-фашистских войск на Волге создавал условия для развертывания общего наступления Красной Армии на всем советско-германском фронте.

В эти напряженные дни, когда враг, все более ожесточаясь, продолжал беспрерывные атаки сталинградских руин, мы осваивались с новой техникой, принимали пополнение. Много хлопот было политработникам. Наш полковой комиссар Кузьмичев знакомил молодых пилотов с боевыми традициями полка, рассказывал о подвигах геройски погибших на Дону товарищей.

- Скоро, скоро, ребята, наступит веселое время, - говорил Иван Федорович. - Скоро и мы пойдем. Но как пойдем!

Надо было видеть, как загорались глаза летчиков. Кончилось опостылевшее вконец отступление, Враг еще был силен, он еще не потерял надежды опрокинуть наши войска в Волгу, но теперь мы

были уже не те, что прежде. За Волгой, на запад, лежали тысячи километров поруганной фашистами родной земли. Эта земля ждала избавления от неволи, она ждала освободителей...

Утром 19 ноября залп многих тысяч орудий и минометов возвестил начало наступления. Долгожданный час возмездия наступил. Грозный, всепотрясающий гул прокатился над степью - началась артиллерийская подготовка атаки. Огонь орудий и минометов уничтожал живую силу и технику на позициях вражеской обороны.

К сожалению, низкая облачность и туман обрекли авиацию на бездействие. Дожидаясь погоды, мы дежурили у самолетов и с радостным волнением прислушивались к могучим звукам все нарастающего боя.

Наши войска пошли в наступление!

Немецко-фашистское командование, не ожидавшее удара подобной силы, было захвачено врасплох. Советские ударные части стремительно развивали успех.

Ежедневно на своих летных картах мы отмечали продвижение наступающих войск. А в день, когда клещи сомкнулись, на аэродроме царило всеобщее ликование. Летчики поздравляли друг друга, обнимались и целовались.

Это был настоящий праздник.

В кольцо окружения попали двадцать две немецко-фашистские дивизии с многочисленной техникой. Территория "котла" отлично простреливалась дальнобойной артиллерией в любом направлении.

Грандиозные "Канны двадцатого века"!

Вооруженная передовой советской военной наукой, Красная Армия полностью развенчала пресловутую доктрину немецких генералов, перед которой долгое время преклонялись военные специалисты многих стран. "Битва под Сталинградом, - признал немецкий историк Герлитц, - положила начало банкротству всей гитлеровской стратегии".

В результате победы на Волге Красная Армия прочно захватила стратегическую инициативу, перешла в общее наступление на огромном фронте от Ленинграда до предгорий Кавказа, Создались благоприятные условия для массового изгнания немецко-фашистских оккупантов из пределов Советской страны.

В период разгрома окруженной группировки врага в небе Волгограда с рассвета дотемна шли напряженные воздушные бои.

Для снабжения находившихся в "котле" войск немецкое командование сосредоточило почти всю свою транспортную авиацию, сняв для этого самолеты с, воздушных линий Берлин -

Париж и Берлин - Рим. На транспортные самолеты были посажены лучшие инструкторы летных школ Германии.

Однако попытка германского командования снабжать армию Паулюса по воздуху окончилась полным провалом. Советские летчики блокировали "котел". Вражеская авиация понесла при этом огромный урон. В воздушных боях были разгромлены лучшие летные части фашистской Германии. Там она потеряла своих наиболее опытных летчиков и штурманов. После битвы на Волге в военно-воздушных силах Германии стал ощущаться недостаток в летчиках. Ликвидировать его противник не смог до конца войны,

...Необычайно подвижная "девятка", словно челнок, сновала в беспорядочной свалке, которые стали обычным явлением на подходах к границам Сталинградского "котла", в морозном небе далеко-далеко тянулись три дымных, хвоста - последний путь горевших машин. Бой не ослабевал ни на минуту. Торопясь на смену эскадрилье, в составе которой неутомимой "девятке" дрался Володя Микоян, мы всюду врезались в беспорядочный строй "мессершмиттов", и "лавочкиных". На моих глазах "девятка" с ястребиного захода атаковала вражескую машину, и еще один дымный след протянулся к земле. В этом хаосе ураганных страстей, беспрерывных пушечных и пулеметных очередей трудно было решить, правильно ли выбран тот или иной маневр. Не мудрено было получить шальную очередь или попасть под огонь своего же товарища... Я заметил, что, выходя из атаки, "девятка" заметно потеряла маневренность. Поврежден мотор? Или ранен летчик? Во всяком случае с этого момента я старался быть поближе к Володе, чтобы в нужный момент прикрыть пострадавшего товарища.

На поврежденной машине Володя устремился в новую атаку, и я заметил, как следом за ним пристроился "мессершмитт". Собственно, эскадрилье, на смену которой мы пришли, можно было отправляться на аэродром, но бой разыгрался жаркий.

"Девятка" самозабвенно выписывала сложнейшие фигуры, ни на шаг не отставая от метавшегося в панике врага. "Мессершмитт" свечой вверх "девятка" за ним, немец в вираж - "девятка" как привязанная. Следом за самолетом Володи Микояна все то сплетение фигур выписывал и пристроившийся к нему "мессершмитт", а уж за ним и я. Такой каруселью мы и носились в стылом зимнем, небе над Волгой. Оглушительно ревели моторы, но огня никто не открывал. Летчики были опытные, и каждый старался "увидеть в прицеле заклепки вражеской машины". Наконец, длинной очередью Володе удалось поджечь "мессершмитт". Не подозревая о погоне, "девятка" легла в

неглубокий вираж, открыто подставляя себя под огонь. Но мне удалось опередить преследователя. Пушечная очередь почти в упор развоpотила вражескую машину.

Бой затихал... "Девятка", словно обессилев плелась устало и безучастно. Я догнал ее и лишь сейчас рассматривая вблизи, увидел, насколько пострадала она в бою: фюзеляж изрешечен, крыло еле держалось. В кабине за стеклом фонаря я рассмотрел Володю Микояна. Он повернул в мою сторону лицо слабо улыбнулся улыбкой усталого человека и опустил голову. "Девятка" начала зарываться. Ранен? Ах, черт! Но нет, машина снова выровнялась, и я увидел, что Володя делает отчаянные усилия, чтобы не свалиться в штопор. Хоть бы дотянул до аэродрома!..

Тут я заметил, что "девятка" плетется совсем в обратную сторону - на запад. Куда он? Я поправил наушники.

- Володя!... Володя!.. Разворачивайся! Разворачивайся, слышишь?

Но в наушниках было тихо. "Девятка" клевала все чаще.

- Володя, ты не туда летишь! Слышишь? Володя, поворачивай домой.

Я хотел было пересечь курс "девятке", чтобы показать, куда надо лететь, но тут, видимо, силы совсем оставили раненого летчика - и машина перевернулась, а еще через мгновение загорелась.

Зная по опыту, что теперь положение поправить немыслимо, я все же сделал несколько кругов, но купола парашюта так и не увидел. Самолет ударился о землю. Еще одна могила отважного человека. Сколько их было в наших бескрайних степях! Не счесть...

После войны мне довелось встретиться и разговаривать с Анастасом Ивановичем Микояном. В то тяжелое для Родины время, в боях на Волге, многие семьи понесли невозвратимые утраты. Смертью героев погибли сын Н. С. Хрущева летчик-бомбардировщик Леонид Хрущев, сын Долорес Ибаррури офицер Красной Армии Рубен Ибаррури и многие-многие другие. Имена их свято чтут однополчане, товарищи по фронту, весь наш народ.

После Волгограда наш полк перевели в город N. Там предстояло нам получить новые машины ЯК-1, пополнение в летном составе, а заодно и отдохнуть.

Признаться, мы совсем отвыкли от мирной обстановки. Более полутора лет шла священная война советского народа, более полутора лет мы только и знали, что вылеты, штурмовки, воздушные бои... И вот тыловой город, уличное движение, поток людей. Крякают автомобильные сирены, пронзительно звенят

трамваи. Хорошо!

Но война наложила свой отпечаток и на N. Через несколько дней, немного освоившись, мы стали замечать и ночное затемнение, и деловитые указатели бомбоубежищ, а главное - какие-то сумрачные, замкнутые лица жителей. Люди словно забыли о веселье и беспечности.

Да, война чувствовалась и здесь. На заводе, который наладил конвейерное производство истребителей ЯК-1, нас поразило обилие ребятишек совсем школьного возраста. Это были ремесленники, заменившие у станков ушедших на фронт отцов и братьев. Какие же они были худенькие бледные! Нам рассказали, что ребята сутками не уходят с завода, ночуют здесь же. Все они, как правило, намного перевыполняют нормы. Значит, это их руками собирались те машины, которые мы получали на фронте? Это их руки помогали нам бить врагов в небе Ростова и Волгограда? Золотые ребячьи руки.

- Эх, Сергей, - вздохнул как-то Федор Телегин. Ребятишки-то, видал? Им бы еще в игрушки играть.

Но не об игрушках думало это поколение советских ребятишек. Когда враг разбомбил военный завод, ребята в короткий срок своими руками восстановили производство, а потом сутками не отходил от станков, чтобы наверстать невольные потери. И на такую страну Гитлер занес руку! ...Скоро мы получили новенькие ЯК-1 и стали осваивать их. Вместе с нами в N. формировалось девять истребительных полков, причем не таких, как в первый период войны, а полного состава, боеспособных, оснащенных великолепной техникой.

Кончилось отступление, позади осталась и наша бедность в технике. Теперь все пойдет иначе.

Федор Телегин послал меня в запасный полк отобрать новое пополнение. Я пришел в казарму, Летчики уже знали о блестящем разгроме немецких войск на Волге, знали и гордились выдающейся ролью, которую сыграла при этом советская авиация.

- Возьмите меня, товарищ капитан! - посыпались просьбы. - Меня!.. Меня!..

В полк подобрались крепкие, надежные ребята. Мы прошли с ними долгий боевой путь.

Из N. наш полк перелетел под Курск. Там в предвидении ожесточенных боев летней кампании создавался резервный фронт под командованием генерал-полковника И. С. Конева. По многим приметам, время надвигалось горячее.

ПОЕДИНОК

1 июля 1943 года в ставку Гитлера в Восточной Пруссии съехались командующие крупнейшими воинскими соединениями на Восточном фронте: группами армий, армиями и корпусами. Речь шла о последних деталях большой наступательной операции немецких войск, закодированной гитлеровским командованием шифром "Цитадель". Главные удары предполагалось нанести южнее Орла и севернее Харькова в общем направлении на Курск, окружить и разгромить находившиеся в этом районе советские войска, а затем развить наступление на северо-восток в обход Москвы.

Мощным наступлением на Курской дуге Гитлер и его окружение намеревались взять реванш за поражение на Волге: разгромив лучшие части Красной Армии, захватить инициативу и поставить нашу страну перед крахом.

Ни к одной операции гитлеровское командование не готовилось с такой тщательностью, как к этой, Сознавая ее исключительно важное значение, Гитлер, так и заявил своим генералам: "Неудачи не должно быть!"

Для проведения операции "Цитадель" германское командование сосредоточило до девятисот тысяч солдат и офицеров наземных войск, около трех тысяч танков и самоходных орудий, более двух тысяч - три четверти всей авиации, действовавшей на советско-германском фронте. Особенно большие надежды возлагались на новый самолет "фокке-вульф-190", имевший сильное вооружение - четыре пушки, шесть пулеметов - и большую скорость: свыше шестисот километров в час. Этот истребитель, по расчетам фашистского командования, должен был господствовать в воздухе.

На Курскую дугу были переброшены танковые дивизии СС "Адольф Гитлер", "Мертвая голова", "Рейх".

Уверенное в успешном завершении задуманной операции, фашистское верховное командование пригласило на советско-германский фронт для наблюдения за ходом наступления турецкую военную миссию и группу высших румынских офицеров.

В канун наступления Гитлер обратился к личному составу ударных группировок с воззванием: "С сегодняшнего дня вы становитесь участниками крупных наступательных боев, исход которых может решить войну. Ваша победа больше, чем когда-либо, убедит весь мир, что всякое сопротивление немецкой армии в конце концов все-таки напрасно",

Советское командование своевременно вскрыло замыслы врага: направления намечаемых ударов, боевой и численный

состав войск: возможные резервы и даже срок начала наступления. Изучив обстановку, ставка решила сначала измотать наступающего противника в оборонительных боях, а затем контрнаступлением завершить его разгром. Последующие события показали, что это был наиболее правильный план действия.

Перед Советской Армией стояла сложная и ответственная задача: выдержать вражеский удар, обескровить его основные силы, а затем перейти в решительное наступление, внеся тем самым коренной перелом в ход всей войны. Ставя такие задачи, ставка Верховного Главнокомандования исходила из реального соотношения сил, роста военного мастерства войск, повышения их технической оснащенности. Стратегические и оперативные планы советского командования основывались на прочной материальной базе быстро растущего военного хозяйства страны.

Е Огромную работу при подготовке войск к сражению в районе Курского выступа проводил член Военного Совета Воронежского фронта Н. С. Хрущев. Его деятельность как члена Политбюро ЦК ВКП(б) и секретаря ЦК КП(б) Украины выходила за рамки Воронежского фронта. Многие мероприятия, которые проводились Военным советом этого фронта, становились достоянием других фронтов. Непосредственно под руководством Хрущева работала большая группа ответственных партийных работников. Многие секретари обкомов были назначены членами Военных советов армий и принимали активное участие в подготовке войск к боям.

"Враг готовится к нанесению удара, - говорил Хрущев на совещании начальников политотделов. - Для нас дорог каждый день. Политработа - это все то, чем живет боец, Состояние оружия, учеба, питание - все- это входит в круг работы политработников. Требуется немедленно поднять политработу на более высокий уровень".

Военные советы, политорганы, партийные и комсомольские организации развернули напряженную деятельность по повышению политико-морального состояния войск, воспитания у солдат и офицеров непоколебимой стойкости, чувства ответственности за удержание рубежа, который занимала их часть. И воины клялись: "Мы уничтожали и уничтожили гитлеровскую гадину под Сталинградом, уничтожим ее и здесь, под Орлом и Курском. Будем стоять насмерть. Враг не пройдет! Наступать будем мы!"

Как и всегда, в особо трудные минуты советские войска, готовясь к тяжелым боям, обращались мыслями к родной Коммунистической партии. Тысячи солдат и офицеров вступали в

ее ряды, выражен этим свою беззаветную преданность партии и народу. К началу оборонительного сражения более восьмидесяти процентов командиров полков, батальонов, рот, взводов были коммунистами.

Наступил июль. Сводки Совинформбюро пока неизменно гласили: "На фронте ничего существенного не произошло". Но это было предгрозовое затишье.

Чудовищно огромное скопление войск и техники" ожидало битвы.

Сражение началось на рассвете пятого июля. Накануне мы осмотрели с воздуха район предстоящих боевых действий. Это было тем более необходимо, что местность представляла собой удивительной однообразную равнину, лишь кое-где пересеченную небольшими оврагами и балками, Ориентиров абсолютно никаких.

Однажды, возвращаясь из полета, мы долго кружили над степью, разыскивая свой аэродром. Судя по часам, мы уже давно должны прилететь. В сердцу стала закрадываться тревога: горючее на исходе, местность совершенно незнакомая. По компасу ориентироваться абсолютно невозможно: влияние Курской магнитной аномалии... Положение складывалось безвыходное. Сажать самолеты на брюхо в поле? Что делать?

Я отдал команду по радио:

- Кто знает дорогу - выходи вперед. Самолеты продолжали бестолково кружиться: дороги никто не знал.

К счастью, вдали показалась колонна пехоты - до батальона. Мы снизились и рассмотрели: наши! Тогда я, с трудом удерживая машину в горизонтальном положении, оторвал клочок карты и нацарапал карандашом: "Где Новый Оскол? Покажите". Засунул записку в перчатку и, чуть не задевая пехотинцев по головам, бросил перчатку на землю.

Пехотинцы подобрали перчатку. Скоро десятки рук вытянулись в одну сторону, указывая нужное направление. Через семь минут мы нашли свой аэродром. Один самолет еле дотянул до места и приземлился на самой границе поля.

Происшествие это заставило нас задуматься всерьез. Во время боевых действий отсутствие верхних ориентиров могло оказаться плачевным. И вот по просьбе летчиков прямо на земле были нарисованы указатели: огромные стрелы шириной пять метров и длиной метров пятьдесят...

Вечером 4 июля меня вызвал Федор Телегин. Когда я вошел в отгороженный уголок командира полка, Федор, не дав мне доложить, как того требовал устав, поманил рукой:

- Заходи, заходи. Садись, смотри.

Тут же я узнал, что пришел приказ завтра на рассвете вылетать на Харьков бомбить аэродром. Собственно, основную "работу" будут выполнять штурмовики, мы же, как обычно, идем в прикрытие.

- Значит, что же, началось? - спросил я.

- Начинается!

Телегин догадывался о масштабах предстоящих сражений, однако действительность скоро превзошла все наши ожидания.

Советскому командованию стало известно, что операция "Цитадель" начнется завтра, и оно решило нанести по скопившимся для наступления войскам противника мощный удар артиллерии и авиации.

Мы вышли из землянки. Стояла тихая звездная ночь. Невольно подумалось, что в такую вот ночь самым приятным звуком был бы глухой стук возвращающейся с поля брички, или конский храп и звяк пут, когда стреноженная лошадь вдруг делает неуклюжий скачок по мокрой от росы траве. Ребятишки, приехавшие в ночное, разложили бы небольшой костер, и он сиротливым огоньком уютно светился бы в непроглядной черноте ночи...

О многом может задуматься в такую тихую июльскую ночь человек на войне. И не верилось, что на сотни километров вокруг сейчас скопилось, замерло и ждет условного сигнала такое количество самой совершенной техники, что, обрати ее человек не на взаимное смертоубийство, а на мирный созидательный труд, жизнь на земле стала бы прекрасной, без войн, эпидемий и голода.

Июльская ночь коротка. Едва только забрезжило на востоке, раздался рев множества авиационных моторов. Сначала в воздух поднялись два полка ИЛов.

Штурмовики построились в свой обычный боевой порядок и плотной грозной тучей двинулись на запад. Там еще было темно.

Следом за штурмовиками взмыл и наш полк.

Харьков мы увидели на рассвете. На окраинных улицах пустынно. А дальше, над центром города, какой-то сизый туман. Сквозь пелену тумана вырисовывается знаменитый Дом промышленности, - он полуразрушен. За поселком Алексеевкой можно разглядеть желтоватую линию противотанкового рва.

Как ни надеялся враг на успех "Цитадели", но об обороне Харькова он не забыл. В течение полутора лет укреплялась оборона города. Всех жителей Харькова немцы под страхом смерти заставили работать над сооружением противотанковых рвов, блиндажей, дотов и траншей, Кроме того, перед городом тянулись многочисленные ряды колючей проволоки и обширные

минные поля. Противотанковый ров опоясал весь город, а в глубине была сконцентрирована хорошо укрытая артиллерия.

Туман над городом все реже, и вот уже можно рассмотреть одну из красивейших площадей Харькова - площадь Дзержинского. Вернее, то, что от нее осталось. Площадь окружают полуразрушенные здания, А вон там городской парк. Его деревья искалечены, земля изрыта воронками, траншеями.

Заметив приближение штурмовиков, враг открыл ураганный зенитный огонь. Но наши летчики заранее знали об огневых точках обороны. Самолеты противника подняться не успели.

Приятно смотреть на работу штурмовиков. Построившись в своеобразный хоровод, самолеты один за другим пикируют на обреченный аэродром. Сначала ИЛы сбросили бомбы. Со второго захода на землю полетели реактивные снаряды. В заключение штурмовики прошлись по тому, что осталось на аэродроме, из пушек.

Аэродром разбит. Горят склады, рвутся боеприпасы. Все поле усеяно обломками горящих "юнкерсов". Враг не ожидал налета.

Сбросив смертоносный груз, штурмовики легли на обратный курс. Теперь нам нужно было смотреть в оба - немцы, конечно, постараются перехватить нас.

"Мессершмитты" навалились стаей. С запоздалой яростью и ожесточением они пытались разбить строй штурмовиков, внести хаос и тогда, нападая на одиночные машины, забить, заклевать до смерти. Штурмовики, изредка огрызались огнем, продолжая держать строй. Они не ввязывались в бой, и это, казалось, удесятеряло злобу вражеских истребителей.

Нашим тоже работы хватало. Мы должны были в целости и сохранности доставить домой армаду штурмовиков. Таков был строгий приказ. Вот почему, увидев, что на отставший ИЛ налетело сразу двое "мессершмиттов", я бросил преследование вражеского самолета, которому успел зайти в хвост, и бросился на выручку.

Немцы атаковали умело. И даже в азарте они не забывали об опасности. Ведомый как привязанный ходил за ведущим, чтобы прикрыть его в случае нападения.

Я пристроился к ведомому и ударил из пулеметов. "Мессершмитт" задымил. Ведущий взмыл вверх, оставив штурмовик в покое. Я погнался было за ним он вклинился в звени наших штурмовиков, и я оставил его. А где же пострадавший ИЛ? Я увидел его далеко внизу. Изрядно потрепанный "мессершмиттами", штурмовик тянул из последних сил. Благо, мы летели уже над нашей территорией. Я хотел разглядеть хвостовой номер самолета и не смог - было далеко. А штурмовик опускался

все ниже и ниже, наконец, летчик искусно посадил машину прямо в поле на фюзеляж...

Забегая вперед, скажу, что вечером этого дня ко мне в столовой подошел невысокий летчик. С первого взгляда я признал в нем земляка, казаха. Летчик был очень молод, и смущение, застенчивость были написаны на его лице.

- Товарищ капитан, - тихонько обратился он ко мне, - скажите, кто у вас летает на сорок седьмом?

Я удивился: номер сорок семь носила моя машина.

- Вы? - обрадовался мой земляк. - Так это же меня вы сегодня выручили! И ведь как здорово выучили!

Радость его была так искренна, что мы тут же у всех на глазах обнялись. Летчик потащил меня к своему столу.

Мы разговорились. Спасенный мной штурмовик оказался Талгатом Бегельдиновым, впоследствии дважды Героем Советского Союза, С этого дня у нас с Талгатом завязалась крепкая фронтовая дружба. Мне и моим товарищам истребителям потом много из приходилось ходить в прикрытие Талгата, и мы неизменно восхищались мужеством этого юноши-степняка, уверенно оседлавшего грозную машину, которую немцы в ужасе называли "черной смертью".

Не успел наш полк совершить посадку, как воздуха земля вздрогнули от мощного артиллерийского гула. Началась артподготовка.

Через несколько минут мне пришлось вылететь в воздушную разведку, и я сверху прекрасно видел, какую разрушительную работу производит артиллерия с той и с другой стороны. Огонь настолько силен, что от дыма и разрывов совсем не видно земли. Нужно сказать, что плотность артиллерийского огня на Курской дуге была гораздо выше, чем при наступлении на Волге.

Возвращаясь назад, я заметил, как в проходы, сделанные в минных полях, двинулись танки. Сотни танков! Изрыгая пламя, они бесконечной стальной лавиной шли на штурм укреплений. Великая битва под Курском началась.

Докладывая Федору Телегину о результатах разведки, я не мог удержаться от восхищения:

- Что там делается!

- Началось, началось, - пробормотал Федор, быстро отмечая что-то на карте.

Он сидел в обычном летном комбинезоне. Командир полка в любую минуту был готов к вылету.

В эти дни мы забыли об отдыхе. Противник поднял в воздух всю свою авиацию. Нам был дан приказ во что бы то ни стало рассеять вражеские бомбардировочные эскадры. Чтобы расколоть

строй бомбардировщиков, у наших соседей двое летчиков пошли на таран. Именно в эти дни начал свой боевой счет сбитых самолетов трижды Герой Советского Союза И. А. Кожедуб, а летчик-истребитель А. К. Горовец совершил беспримерный подвиг. Возвращаясь с задания, Горовец заметил группу вражеских бомбардировщиков. Он резко развернул свою машину и один отважно бросился в гущу фашистских самолетов. Первой же очередью он сбил флагмана. Затем упали на землю второй и третий самолеты. Строй неприятельских машин распался, они стали рассредоточиться. Но Горовец снова и снова дерзко нападал. В этой невиданной схватке он сбил девять бомбардировщиков! По пути на свой аэродром Горовец попал под неожиданный удар четырех вражеских истребителей. Его самолет был подбит и врезался в землю.

А. К. Горовец - единственный в мире летчик, сбивший в одном бою девять вражеских самолетов.

Так дрались наши истребители. И не мудрено, что все чаще и чаще фашистские бомбардировщики, только завидя советских соколов, начинали поспешно сбрасывать бомбы куда попало и поворачивать назад.

Наши ребята заметили, что у немцев появилось множество истребителей с пестро раскрашенными фюзеляжами. Вражеские машины были украшены изображениями червовых и пиковых тузов, черных кошек, драконов, птиц, змей. Это были знаменитые асы воздушного флота Геринга, лучшие летчики Германии.

- Сегодня пойдут одни старики, - сказал Федор Телегин, - молодым сегодня делать нечего. У соседей шестерых сбили.

В небе было темно от самолетов. Немцы послали около пятисот машин. С нашей стороны поднялось двести семьдесят истребителей. Бой завязался на всех высотах. Все, что было лучшего в авиации обеих сторон, сцепилось в этом невиданном воздушно поединке. В наушниках творилось черт знает что: какие-то сумасшедшие выкрики, просьбы, имена и ругань, ожесточенная ругань на обоих языках.

Наша эскадрилья схватилась с истребителями прикрытия. Во вражеских самолетах мы узнали знаменитые "фокке-вульф-190".

После недолгого маневрирования мне удалось сбить ведомого одной чрезвычайно слаженной пары Ведущий, заметив у себя на хвосте советский истребитель, с хладнокровием опытного бойца дал ему приблизиться на дистанцию огня и вдруг, задрав самолет вверх, круто пошел по вертикали. Расчет немца был прост: он знал, что советские летчики не принимают боя на вертикалях, и надеялся убить сразу несколько зайцев - уйти от атаки, набрать высоту и выгодно атаковать сверху. В прежнее

время мне несомненно пришлось бы положить самолет в вираж Но сейчас я летел на ЯКе, очень легкой, послушной и скороходной машине. И я решил использовать просчет немца. ЯК, яростно ревя, круто полез наверх, Я догнал вражескую машину и, не выходя из вертикального положения, расстрелял ее почти в упор. "Фоккер" опрокинулся и задымил.

Это была удача! Сбить подряд два расхваленных немцами "фоккера".

В каком-то неуемном азарте я тут же захожу в хвост еще одной вражеской машине, вижу ее заклепки и с наслаждением нажимаю гашетку. Но... что это? Пулеметы и пушка молчат. Молниеносно перезаряжаю, снова жму - снова ни одного выстрела! Испортились! Ах, черт! Ах... Я на все лады ругаю техника по вооружению Гришу Абояна за то, что он, очевидно, в спешке не проверил, исправны ли пулеметы и пушка.

Я понимаю, что выходить из боя мне не следует, хотя бы по той причине, что опытный враг сразу же заметит мою беспомощность. И я принялся "темнить": атаковал, маневрировал, старался хоть как-нибудь помогать товарищам.

На аэродроме, едва приземлившись, я обрушился на техника Гришу. Гриша побледнел. Он и сам понимал, какой опасности подвергался летчик по его вине. Не успел я вылезти из кабины, как Гриша кинулся проверять вооружение.

- Товарищ капитан, - облегченно доложил он, - у вас все в порядке.

- Да как все в порядке! - снова вспылил я. - Тебе ж говорят...

- Да у вас весь боезапас расстрелян, товарищ капитан!

- Как расстрелян?..

Я смотрю на лицо техника и понемногу успокаиваюсь. В самом деле, почему я подумал о неисправности? Ведь скорее всего...

Гриша смотрит на меня укоризненно.

- Извини, друг. Я как-то... Сам понимаешь. Извини, брат.

- Что вы, товарищ капитан! Я бы и сам... А сегодня такое творится, что и отца родного... Идите, товарищ капитан, в столовой уже все готово.

Неподалеку остановилась командирская машина. Федор Телегин тяжело спрыгнул на землю и устало стянул шлемофон. День сегодня выдался как никогда...

Вернулась из боя эскадрилья майора Николая Дунаева. Еще крутились пропеллеры, когда Дунаев откинул фонарь и на плоскость весело выпрыгнула маленькая собачка. Это была обыкновенная дворняжка, прижившаяся в эскадрилье. Летчики полюбили собачку, каждый звал ее по-своему, каким-нибудь

домашним именем: Трезорка, Жулик, Жучка, а все вместе, эскадрильей, ласково называли ее "Спасительницей". И это была правда: собачка однажды действительно спасла эскадрилью Дунаева.

Как-то, намаявшись за день, летчики повалились на нары в своей землянке и заснули тяжелым глубоким сном. Дворняжка устроилась в чьем-то шлемофоне. Среди ночи в землянке вспыхнул пожар, загорелась солома. Но измученные летчики спали как убитые. Тогда собачка принялась беспокойно лаять и теребить спавших летчиков. Кто-то наконец продрал глаза, очень вовремя. Летчики успели выскочить из огня.

С тех пор собачка стала полноправным членом эскадрильи Дунаева. Вылетая на задания, ребята по очереди брали дворняжку с собой. Постепенно она так освоилась, что едва раздавался сигнал тревоги, бежала к машинам и устраивалась за спиной летчика.

Жаль, что "повоевать" собачке пришлось недолго. Вернувшись однажды из боя, летчик с удивлением обнаружил, что Жучка не торопится выпрыгивать из кабины Он отстегнул парашют и оглянулся.

Собака не двигалась. В воздушном бою шальная пуля попала в кабину летчика и убила ее.

Помнится, ребята очень жалели о гибели "Спасительницы" и похоронили ее с почестями.

История с собачкой хорошо говорит о том, как велика была у нас тяга ко всему, что напоминало о доме, о мирной, спокойной жизни. Самый худой мир лучше доброй войны.

Говорят, что русские легко привыкают ко всему. Мне кажется, это неверно. Мы можем смириться с лишениями военного времени и, затянув пояса, воевать до победы, как бы ни была она далека. Мы можем бить, убивать, уничтожать, но только своих злейших врагов. Равнодушным, профессиональным убийцей, каким воспитал немецкую молодежь Гитлер, русский никогда не станет. Русский не может привыкнуть убивать.

Наши милые, озорные, буйные в играх мальчишки повзрослели слишком рано. Многие из них еще не брились, когда попали на войну, воротники гимнастерок были им слишком велики, а тяжелые армейские сапоги сидели на ногах неуклюже. Прав был Федор Телегин, давая молодым летчикам осмотреться, освоиться за спиной "старичков", чтобы не стать жертвой какого-нибудь понаторевшего в убийстве фашистского стервятника в первом же воздушном бою.

И они осваивались. Подчас очень быстро, а иногда трудно и мучительно. Но осваивались. Нужно было воевать, гнать со своей

земли проклятого врага.

Иной, глядишь, возвращается из тяжелого боя и поет себе, распевает, хотя нервы у него натянуты, как струны, А другой и после сотни боев вылезает из кабины и трясущимися руками лезет закурить, ломает спички, наконец, затягивается чуть ли не со стоном, устало закрыв глаза, и лишь после папиросы вздыхает полной грудью.

Помнится, пришел к нам в полк молоденький летчик Иван Мокрый. Шея тоненькая, глаза ребячьи. Только что из летной школы. Кажется, в первый же день на взлете самолет Иван Мокрого врезался в другой самолет - и оба вышли из строя. Дикий случай! Что было делать с Мокрым? Судить! Наказывать самому?.. Ругал я его на чем свет стоит. Он только сконфуженно заливался румянцем и беспомощно разводил руками.

- Не болтать руками! Стоять как следует!

- Виноват, товарищ капитан...

- Кру-гом! К чертовой матери, в землянку! Вечером поговорим.

Каково же было мое удивление, когда я, оглянувшись через несколько шагов, увидел, что Иван, став на четвереньки, ловит пилоткой кузнечиков. Это после нагоняя-то!..

Вечером на общем собрании на Ивана наложили взыскание: от полетов отстранить, ста граммов не давать, назначить вечным дежурным по аэродрому.

Заскучал Иван Мокрый.

И неизвестно, что сталось бы с молодым летчиком, если бы не случай.

Как-то под самый вечер нежданно-негаданно на наш аэродром налетели четыре "мессершмитта". Мы бросились по щелям. Положение безвыходное: любой самолет на взлете немцы собьют, как куропатку.

"Мессершмитты" заходят на штурмовку. Пропали наши самолеты!

И вдруг все мы видим: Иван Мокрый, размахивая руками, бежит сломя голову к ближнему ЯКу. А немцы уже поливают аэродром из пулеметов.

Иван проворно вскочил в кабину. Заработал мотор.

- Он с ума сошел! - чуть не со стоном проговорил Телегин.

- Собьют же, как... Эх!

А ЯК уже разбежался и оторвался от земли.

- Ну!.. - и Федор Телегин даже сморщился, глядя, как заходит в атаку "мессершмитт". - Сейчас одна только очередь и...

Неожиданно ЯК задрался вверх, навстречу пикирующему врагу, с дальней дистанции ударил из пулеметов - и

"мессершмитт", не выходя из пике врезался в землю.

Мы остолбенели. Вот это номер! Как это он изловчился в таком положении?..

А ЯК взмыл вверх и ушел в облако.

Обозленные "мессеры" кинулись за смельчаком следом. За облаком самолетов не было видно.

Первым опомнился Телегин.

- По машинам!

Мы выскочили из щелей.

Но тут из облака показался объятый пламенем самолет. Пылая, он падал отвесно на землю.

Все невольно придержали шаг. Пропал наш Мокрый...

- Отлетался, - прошептал кто-то.

Самолет грохнулся о землю, раздался взрыв.

- Санитары! - крикнул я.

По полю уже неслась санитарная машина.

Я на ходу прыгнул на подножку.

Не успели мы подъехать к месту падения самолета, как кто-то, разглядев на сохранившемся хвосте зловещий крест, удивленно и радостно воскликнул: Так это же... Смотрите!

И словно в подтверждение нашему внезапному открытию, мы услышали в небе треск пулеметный очередей. Там все еще шел бой. Вот так Иван Мокрый!

Оставшиеся два "мессершмитта" позорно бежали" а Иван, показавшись над аэродромом, снова поразил нас: прежде всего он лихо исполнил традиционные "бочки" - переворот через крыло - две, по числу сбитых самолетов, а затем так чисто, так мастерски посадил самолет, что позавидовали даже "старики".

К Ивану бросились все - летчики, техники, девушки-официантки, Спрыгнув на землю, он попал в неистовые объятия друзей. Качали его до одурения, Зацелованный, затисканный, Иван не успевал отвечать на расспросы.

Вечером мы чествовали новоиспеченного аса. Был приготовлен парадный обед. А через несколько дней за мужество и отвагу Иван Мокрый получил орден Красного Знамени. С тех пор он неизменно вылетал на все ответственные тяжелые задания.

А вот еще один случай.

Вечер после страшно напряженного дня. Летчики устали и спят глубоким сном. Иногда слышится невнятное бормотание сонного.

У входа в землянку, прямо на траве, обняв колени, задумчиво сидит Валерка Федоровский. Валерка молод, сегодня он впервые был в бою и даже сбил самолет.

- Чего не спишь, Валерик? Не устал?

Молодой летчик хочет подняться, но я кладу ему руку на плечо.

- Сиди, сиди.

- Не то, товарищ капитан, - жалуется Валерка. И устал, и не могу. Только закрою глаза - кресты. Со всех сторон кресты! Кошмар какой-то!

Помните, как в "Тихом Доне" Григорий Мелехов переживает смерть первого австрийца, которого он зарубил? Летчик зачастую не видит врага в лицо. Но кресты на вражеской машине отчетливо врезаются в память.

- Иди, спи, Валерик, - говорю я летчику. - Это бывает.

- С вами тоже было, товарищ капитан?

- А как же! С каждым.

- Вы понимаете, - оживляется Федоровский, - ведь враг же, немец! А вот мерещится... Черт бы его побрал!

Выговорившись, Валерий успокаивается и идет спать. Завтра снова трудный день, нужно восстановить силы. Я смотрю ему вслед и думаю: привыкнет, Но привыкнуть Валерке не пришлось: он успел лишь получить орден Красной Звезды за первые успехи и вскоре погиб в воздушном бою.

"Операция "Цитадель", - пишет в своих воспоминаниях гитлеровский фельдмаршал Манштейн, - была последней попыткой сохранить нашу инициативу на востоке. С ее прекращением, равнозначным провалу, инициатива окончательно перешла к советской стороне. В этом отношении операция "Цитадель" является решающим поворотным пунктом войны на Восточном фронте".

Советские войска выиграли Курский поединок.

Бои шли за Харьков. Многострадальный Харьков! Повсюду густые столбы дыма поднимаются высоко к небу. Город в развалинах. С чердаков и из подвалов бьют орудия. Немцы создали мощную оборону, и проломить ее нелегко,

В неглубоком, наспех отрытом окопе радист у микрофона монотонно выкрикивает позывные:

- Я - Рис! Я - Рис!

Рослый полковник с планом Харькова в руках строго спрашивает радиста:

- Есть у них движение или нет? Перерезано Полтавское шоссе?

В этот день на всех командных пунктах, всюду - на траве и планшетах, на раскладных столиках и досках - вместо карт лежали планы города Харькова. Напряжение битвы нарастало с каждым часом, С утра до вечера неумолчно били пушки и

минометы. Эскадрильи самолетов проносились над окраинами города, и внизу поднимались столбы дыма и пыли.

Шел бой, уже не первый за эту городскую окраину, называемую Холодной Горой. Многие бойцы с медалями и орденами на груди, полученными еще а зимних боях, рассказывали, как в морозный февральский день мчались они на лыжах, с ходу врываясь в кварталы Холодной Горы. Она и теперь, как в тот раз, являлась ключом к Харькову.

- Как только возьмем ее - дело сделано!

Враг сопротивлялся жестоко.

Ломая оборону, части Советской Армии в то же время обтекали город, и линия фронта все больше и больше напоминала петлю, которая захлестывала немцев, упорствующих в своем стремлении удержать Харьков.

Захваченные пленные показали, что в городе укреплены все важнейшие перекрестки. На окраинах сидели полки потрепанных под Белгородом и пополнявшихся прибывающими резервами дивизий. На улицах появились эсэсовцы. Офицеры внушали солдатам, что Харьков будет обороняться до последнего патрона, ибо сдача его равносильна потере всей Украины, В частях был оглашен особый приказ Гитлера удержать Харьков во что бы то ни стало.

Но все было напрасно. Мощь наступления советских войск нарастала с каждым днем. Враг отступал.

В эти дни на фюзеляже моего самолета появилась двадцатая звездочка лицевой счет сбитых вражеских машин.

Техник Иван Лавриненко обладал философским складом ума.

- Вот интересное дело, товарищ капитан, - неторопливо говорил он, сидя на заросшем травою бугорке. - После войны бы взять бы да проехать по всем тем местам, где вот сейчас приходится... Дунаева бы взял с собой, Колю бы Шута... Ну, кого бы еще?.. Да, Корниенко! Интересно бы.

Стоял тихий теплый вечер. Догорала заря. Скинув гимнастерку, я сидел по пояс голый и, ловчась перед крохотным зеркальцем, старательно намыливал щеки. Лавриненко, умаявшись за день, отдыхал, наслаждался покоем и задумчиво дымил папиросой.

- А ведь после войны, товарищ капитан, на этих на самых местах люди хлеб сеять будут. Это уж наверно. А может, овес. А может...

Резкий телефонный звонок в землянке прервал размышления техника.

- Вы брейтесь, брейтесь, - сказал он. - Я отвечу.

Лавриненко нырнул в землянку, и тотчас оттуда разделся его

беспокойный голос:

- Товарищ капитан, вас!

Звонил командир дивизии генерал Баранчук. Ничего не объяснив, он только справился, я ли это, и крикнул:

- В воздух!

Я понял его с полуслова.

Лавриненко уже проворно стаскивал с самолета маскировочную сеть.

Без гимнастерки, с намыленным лицом я бросился в кабину и, не прогревая мотора, пошел на взлет. Парашют, - думаю, - в воздухе как-нибудь приспособлю.

Однако в воздухе оказалось не до парашюта. Я увидел торопливо уходящий на свою сторону двухмоторный "хейнкель". Это, по всей видимости, был разведчик. Сфотографировал что-либо серьезное... Недаром генерал позвонил сам.

Привычно захожу "хейнкелю" в хвост. Вражеский стрелок встретил меня пулеметной очередью, А ведь у меня парашют не пристегнут! - мелькнуло в голове.

"Хейнкель" начинает отчаянно маневрировать. То уйдет в крутое пике, то вдруг взмоет вверх, Глядя, с какой легкостью вражеский летчик бросает тяжелую машину, я подумал, что летят на разведчике зубастые звери.

Чтобы измотать хвостового стрелка, мне оставалось лишь беспрестанно менять позиции. Крутился я так близко возле "хейнкеля", что мне отчетливо было видно лицо немца. Он действительно скоро упарился, но глаза его настороженно следили за мной: он ждал удобного момента, чтобы с близкого расстояния хлестнуть пулеметной очередью.

А линия фронта тем временем все ближе. Ох, уйдет!

Вдруг я замечаю, что стрелок бросает пулеметы и выхватывает ракетницу. Несколько мгновений я держусь так близко, что мы смотрим друг Другу в самые зрачки. Лицо немца свела гримаса злобы и отчаяния. Ага, - догадываюсь, видимо, патроны кончились!.. Сощурившись, немец прицелился и выстрелил из ракетницы. Я нажал гашетку: длинная очередь рассекла его пополам.

"Хейнкель" остался без стрелка.

Из всех пулеметов поливаю моторы вражеской машины. И - удивительно! не горят! Что за наказание? Ведь уйдет!.. Позднее я узнал, что с некоторых пор немцы стали применять резиновые обкладки внутри баков с горючим. Пулевые пробоины моментально затягивались эластичной резиной.

Весь огонь сосредоточиваю на левом моторе. Там, я знаю, баки с горючим. Наконец, показался дымок. Значит, не помогла и

резина.

"Хейнкель" стал терять высоту. Я кружусь сверху. Вражеский самолет пошел ниже, ниже. Ясно: сейчас сядет. Вот он запахал по полю - пыль поднялась столбом. Сел на фюзеляж. Выскочили двое летчиков, вытаскивают третьего, убитого. Отнесли подальше от пылающего самолета, положили на землю.

Я пролетел совсем низко. Немцы даже не посмотрели в мою сторону. Высокие, в черных кожаных куртках, они стояли безучастно, зная наперед все, что должно произойти.

Скоро подошли наши автомашины, я видел, как из них выскочили автоматчики и офицеры. Все, можно лететь домой.

Над аэродромом я сделал "бочку" и повел самолет на посадку. Сверху вижу Ивана Лавриненко. Он радостно бежит с банкой белил - рисовать на фюзеляже очередную звезду.

Глядя на засохшую мыльную пену на моих щеках, Лаврлненко смеется:

- Вот добрая примета, товарищ капитан. Небритому везет.

- Ну тебя с твоими приметами. Горячая вода еще есть?

- Есть. Идите, добривайтесь... А скажите, товарищ капитан, немцы не дивились, что вы такой голый казаковали?

В самом деле, спохватился я, летал без гимнастерки!

Утром следующего дня за мной приехал какой-то полковник и увез с собой а штаб фронта. Там я как следует рассмотрел вчерашних сбитых немцев. Рослые, блондины. Один из них, как мне сказали, имеет старший офицерский чин. Видимо, он-то и вел самолет, - подумал я, вспоминая, как искусно маневрировал "хейнкель".

Оказывается, везли они какие-то очень важные сведения для ставки. В нашем тылу в погоню за ними поднялись два истребителя. Одного из них вражеский стрелок сбил сразу же. Другой летчик получил ранение и не смог продолжать погони. Вот почему так скоро кончился у него боезапас, - снова вспомнил я вчерашний свой поединок со стрелком.

В штабе фронта меня поздравили с успехом командир штурмового корпуса генерал-лейтенант Рязанов и наш старый знакомый Алексеев, Батя на прощание даже ухитрился сунуть мне в руки какую-то небольшую посылку.

- Чтобы было чем обмыть, - шепнул он, заговорщически подмигивая.

Через несколько дней, вечером, на одном из полевых аэродромов мы услыхали чеканный голос Левитана, зачитывавшего Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза летчикам-истребителям Н. Дунаеву, И. Корниенко и С. Луганскому. Все

награжденные были из нашего полка.

Излишне говорить о том, какое это волнующее и радостное событие было для всех нас. До поздней ночи царило возбуждение на аэродроме. О многом вспомнили мы в тот памятный вечер, о многом переговорили. В частности, и о том, что знак высшей воинской доблести, которым удостоили нас партия и народ, обязывает нас бить врага еще искусней, еще беспощадней.

Утром приехал Батя и вручил правительственные награды. Торжеств не было. Начинался день, мы были уже у боевых машин. Но в той задержке перед боем, когда генерал поздравлял нас, в его напутствии, которое слилось с грохотом вдруг разом заработавших моторов, во всей этой коротенькой фронтовой церемонии награждения было что-то неизъяснимо торжественное, поистине незабываемое.

"ВОСТОЧНЫЙ ВАЛ"

После Харькова немцы безостановочно покатились к Днепру.

Успешное наступление вызвало необычайное воодушевление в советских войсках. Забывались и усталость от напряженных боев и тяжесть длительных переходов. Всех охватило стремление быстрее гнать врага все дальше и дальше на запад, освобождая родную землю. Не дать противнику закрепиться на правом берегу Днепра, с ходу форсировать эту мощную водную преграду, создать плацдармы для наступления на правобережной Украине - такая задача стояла перед советскими войсками.

Обращаясь к командирам и политработникам, Н. С. Хрущев подчеркнул, что наступило время полного и окончательного изгнания врага со священной Советской земли. Предстоящая Днепровская операция, говорил он, сыграет исключительно важную роль. Днепр - это рубеж стратегического значения. Важно не дать противнику оправиться и закрепиться на правом берегу. Для форсирования Днепра надо использовать все, что попадется под руку, - рыбачьи лодки, плоты, бревна, пустые бочки. Внезапность - важное условие победы на Днепре.

Порыв наступающих был настолько велик, что "Восточный вал", на который немцы возлагали столько надежд, не устоял. Неудержимый вал советских войск перехлестнул через днепровские укрепления. Отдельные части закрепились на правом берегу и, отбивая бешеные атаки гитлеровцев, удержали плацдармы.

В эти дни боев за переправы особенно большая нагрузка легла на плечи авиации. Над Днепром разгорелись ожесточенные воздушные бои. Немецкие бомбардировщики группами по двадцать-тридцать самолетов в сопровождении большого количества истребителей стремились разрушить переправы через

Днепр, подавить и уничтожить огневые точки и живую силу на плацдармах. В этих условиях командиры истребительных авиационных дивизий организовали свои командные пункты рядом с командными пунктами командиров стрелковых дивизий и корпусов. Они лично руководили воздушными боями, перенацеливали летчиков в зависимости от обстановки, вызывали подкрепления с аэродромов...

Снова, как в самый тяжелый период Великой Отечественной войны, нам приходилось совершать по восемь-девять боевых вылетов за день.

На левом берегу Днепра, на КП командира дивизии, член Военного Совета фронта Н. С. Хрущев и Главный маршал авиации А. А. Новиков. Над их головами только что проищи грозной бронированной тучей штурмовики, которые ведет гвардии подполковник Чернецов. У штурмовиков прямое задание: разметать наступающие порядки немцев, не дать им опрокинуть в Днепр небольшой отряд советской пехоты, закрепившийся на крохотном клочке земли на правом берегу,

Н. С. Хрущев и А. А. Новиков наблюдают за боем, Даже невооруженным глазом хорошо видно, как с немецкой стороны приближаются "юнкерсы" и "хейнкели". Вражеских машин такое множество, что, кажется, достаточно одного удара с воздуха - и кончится все: оборвется ниточка переправы, с трудом возведенная саперами, перепахан будет каждый дюйм земли правобережного плацдарма.

Как обычно, мы сопровождаем штурмовики, и мне сверху отлично видно, что творится внизу, на Днепре. Изо всех сил бьет вражеская артиллерия, от разрывов снарядов река кипит. В этом хаосе смерти неутомимо трудятся работяги-саперы. На левом берегу скопилось огромное количество наших войск. Вал наступающих с востока уперся в Днепр. Сейчас "се зависит от мужества храбрецов, закрепившихся на правом берегу, от целости переправ, которые то и дело приходится чинить. Я вижу приближающиеся "юнкерсы" и "хейнкели". Высоко над ними идут "мессершмитты". Надо во что бы то ни стало не пустить их. Смертоносный груз не должен обрушиваться ни на переправы, ни на скопления наших войск.

По радио я слышу голос Главного маршала авиации, Новиков приказывает:

- Вступить в бой всем. Всем!

Это значит, что все советские самолеты должны преградить путь вражеским бомбардировщикам. В первую очередь приказ маршала касается штурмовиков. И штурмовики, не меняя боевого строя, тяжелые, бронированные утюги, устремились навстречу

"юнкерсам". Их удар был страшен. Из пушек и реактивными снарядами они расстреляли сразу десять немецких машин. Штурмовики прошли сквозь строй бомбардировщиков, разметали их и стали заходить на новую атаку. "Юнкерсы" в панике сбросили бомбы на свои войска и повернули вспять.

В наушниках снова раздалась команда маршала Новикова:

- Капитану Луганскому... Капитану Луганскому. "Хейнкели" заходят на переправу. Не допустить бомбежки! Ни в коем случае не допустить!..

Тревога маршала передалась и нам. Мы повернули к переправам, В самом деле, "хейнкели" уже заходили на цель.

Как ведущий своей группы, я выбрал флагманскую машину. "Хейнкель" должен был вот-вот свалится в пике. Времени на раздумье не было. Подобравшись снизу, я близко, совсем рядом увидел хвост машины врага со зловещим крестом, Все остальное произошло за какие-то мгновения. Пропеллером своей машины я рубанул по рулю высоты, и тут же мой самолет затрясло, бросило в сторону. Взяв ручку на себя, я все-таки благополучно с левым разворотом вышел из атаки и осмотрелся. "Хейнкель", потеряв управление, падал на землю. Наши ребята гонялись за вражескими машинами, а внизу, на Днепре, продолжалась муравьиная работа саперов и пехоты.

Плацдарм на правом берегу был сохранен, уцелели и переправы.

У моей машины оказался исковеркан пропеллер. Самолет трясло, как в лихорадке, и время от времени бросало в сторону. Я снизился и потихонечку "потянул" на свой аэродром.

Вечером этого дня к нам приехал маршал Новиков. Он поздравил нас с высокими правительственными наградами. Подполковник Чернецов получил звание Героя Советского Союза, я - орден Александра Невского.

Ночь прошла беспокойно. На аэродроме хорошо было слышно, как, не умолкая, била вражеская артиллерия, Приходилось только догадываться, как провели эту ночь бойцы, закрепившиеся на пятачке земли на правом берегу Днепра.

У нас почти никто не спал.

С рассветом в воздух поднялась авиация. Я узнал машину своего друга и земляка Талгата Бегельдинова. Талгат повел звено.

Сегодня советским войскам предстояло сделать бросок, чтобы расширить плацдармы и окончательно укрепиться на другом берегу. Штурмовики набавлялись к немецким позициям,

В бледном свете занимающегося дня штурмовики принялись долбить вражеские укрепления. В воздух летела земля, какие-то обломки. Огрызалась зенитная артиллерия.

Я знал, что командир корпуса штурмовиков генерал Рязанов находился на самой передовой. Измученный бессонными ночами, генерал хриплым голосом отдавал команды по радио.

- Хорошо! - басил в наушниках генеральский голос. - Еще один заход!

- Есть! - весело отвечал командир эскадрильи. Штурмовики пронеслись над немецкими позициями, стреляя из пушек и пулеметов. Это был их третий заход. Не оставалось уже ни бомб, ни снарядов. Израсходовав весь боезапас, штурмовики собрались в обратный путь, но тут в наушниках, снова послышался умоляющий голос генерала Рязанова:

- Еще, еще один заход! Последний. Хотя бы один еще, пусть холостой. Сейчас наши в наступление пойдут.

Расчет генерала был прост. Немцы пуще огня боялись штурмовиков, в ужасе называя их "черной смертью". Немецкая пехота, едва завидя штурмовики, забивалась в землю и не решалась поднять головы.

Эскадрилья, грозно ревя моторами, снова пронеслась над затихшими окопами, и в это время наша пехота поднялась в атаку. Множество крохотных фигурок бежало по изрытой снарядами и бомбами земле. Немецкие позиции молчали. Штурмовики опустились еще ниже. Фигурки бегущих бойцов достигали первой линии вражеских окопов.

За воздушные бои над станцией Знаменка, крупным опорным пунктом вражеской обороны, нашей, истребительной дивизии было присвоено наименование Знаменской.

В этих боях я был свидетелем лихости наших бомбардировщиков "петляковых" и в частности их, командира генерала Полбина.

Иван Семенович Полбин пользовался в то время поистине легендарной славой. Это был великолепный летчик, отчаянно смелый человек. Будучи в генеральском звании и командуя корпусом, он неизменно сам вылетал на задания и показывал образцы летного искусства и храбрости. Я хорошо знал этого человека и очень сожалею, что жизнь его оборвалась столь трагически.

Генерала Полбина сбили уже в Германии. Благодаря тому, что он носил форму простого летчика, немцы его не узнали и, подобрав среди обломков самолета в беспамятстве, доставили в госпиталь. Генерал очнулся и долго не мог понять, где он находится. Потом среди других пленных он узнал летчика, подозвал его и рассказал ему о себе. Летчик, к сожалению, оказался подлецом и выдал Полбина.

О дальнейшей судьбе генерала рассказывают, что голову его,

якобы, доставили Гитлеру, чтобы незадачливый диктатор хоть чем-то утешился перед своим бесславным концом...

Полбин был выдающимся специалистом по бомбометанию. Еще на Волге он впервые применил пикирование и с тех пор довел технику владения тяжелым, громоздким бомбардировщиком до совершенства.

В тот раз, когда нам довелось прикрывать бомбардировщики, "петляковы" начисто разнесли станцию. На обратном пути они обнаружили аэродром и обстреляли его, затем ввязались в бой с "юнкерсами" и сбили шесть вражеских машин. Пролетая над передовой, они основательно "проутюжили" немецкие окопы и только после этого вернулись на свою базу. Не могу забыть восхищения, охватившего всех нас, истребителей, когда бомбардировщик, который вел сам Полбин, вдруг сделал над аэродромом традиционную "бочку" и пошел на посадку, "Бочку"? Бомбардировщик?! Немыслимо! И все-таки это было так.

Впоследствии, уже в Военно-Воздушной Академии, я познакомился с дважды Героем Советского Союза Павлом Плотниковым, летчиком из корпуса Полбина. В свое время Плотников впервые в истории решился сделать "бочку" на бомбардировщике. Узнав об этом, генерал Полбин рассвирепел и объявил летчику строгий выговор за лихачество. Плотников с улыбкой вспоминал, как после жестокого нагоняя генерал вдруг плотнее прикрыл дверь своего кабинет и поманил летчика.

- Слушай, - шепотом спросил он, оглядываясь на закрытую дверь, - научи ты, ради бога, меня. Как ты это сделал?..

После боев над Днепром, Знаменской и Кировоградом нас отвели на переформирование в С. Там мне предоставили отпуск, и я получил возможность побывать в Алма-Ате.

Сколько же я не был в родном городе? Подумать только!

Два с половиной года идет война. Два с половиной года люди убивают и умирают. Напрягая все силы, страна ведет небывало кровопролитный бой. Речь идет о нашей жизни или смерти. Разгрому врага подчинены все усилия народа. Или мы или они.

Алма-Ата засыпана снегом. Сверкают под солнцем величественные вершины Ала-Тау, Снег нарядно убрал дубы и тополя. Гремит старенький трамвай. Кажется, ничто не изменилось в родном городе.

В горкоме комсомола, где я мальчишкой получал путевку в Оренбургскую школу летчиков, меня встретили радушно. Здесь пристально следили за событиями на фронте, и мне чуть не до вечера пришлось отвечать на расспросы.

Вечером в филармонии собралась общественность столицы Казахстана. В небольшой зал набилось битком. Здесь студенты и

преподаватели, рабочие алма-атинских предприятий и ученики училищ трудовых резервов, много школьников. И всех интересуют подробности - как там, на фронте? Рассказывать мне пришлось долго.

И вот не помню уж по какому поводу за столом Президиума вдруг поднялся старенький профессор Штесс и тихим надтреснутым голосом предложил объявить сбор средств на постройку истребителя. Сам Штесс тут же внес пятьсот рублей.

Почин старого профессора поддержали единодушно. Часть денег собрали на этом вечере, часть - на следующий день.

За два дня было собрано 180 тысяч рублей. На одном из заводов города появилась передовая молодежная бригада имени Луганского. С юношами и девушками этой бригады я переписывался до конца войны. Сейчас эта переписка хранится в музее Советской Армии.

Для получения самолета в N. вместе со мной выехали представители алма-атинской молодежи: один паренек и две девушки. Нас встретил директор авиационного завода. Делегация вручила ему письмо комсомольцев и молодежи.

- Ого, вот это петиция! - удивился директор. - Что ж, выбирайте, какой понравится.

Делегация растерянно оглядела большое поле, сплошь заставленное новенькими истребителями ЯК-1.

- Дядя Сережа, тут уж вам...

И "дядя Сережа", которому едва исполнилось двадцать пять лет, полез в кабину самолета.

Восемь машин опробовал я, и ни одна из них мне не понравилась: тяжелы и неуклюжи. Директор завода указал на одиноко стоявший в сторонке истребитель:

- Попробуйте-ка вот этот. Попробуйте, попробуйте. Я вам дело говорю. Этот самолет особенный.

- Что ж в нем особенного?

- Ну, если уж вы такой недоверчивый...

И директор рассказал мне. Недавно, всего несколько недель назад, на одном из подмосковных аэродромов были собраны истребители самых различных марок. Тут были немецкие "мессершмитты" и "фоккеры", американские "кобры", наши "ЯКи" и "лавочкины". Устроили своеобразное соревнование - какая машина лучше.

На этих испытаниях присутствовали конструктора, директора заводов, руководители авиационной промышленности.

Лучше всех себя показали немецкий "мессершмитт" и американская "кобра".

- Этот самолет, - указал директор на одиноко стоявший

истребитель, был на испытаниях. Мы его специально готовили.

Самолет оказался хорошим. Я исполнил на нем целый каскад фигур высшего пилотажа, сел и, едва спрыгнув на землю, заявил:

- Все. Беру этот. Никому не отдам.

Директор рассмеялся:

- Да с богом. Желаю счастья.

Тут же, на заводе, на фюзеляже истребителя масляной краской было написано: "Герою Советского Союза Сергею Луганскому от комсомольцев и молодежи г. Алма-Аты".

На следующий день я вылетел на фронт.

Наши войска освобождали Бессарабию, В каком-то местечке я разыскал штаб нашего полка, встретил старых боевых товарищей, Ребята загляделись на мой новый истребитель.

- Хорош! Только разрисован слишком. Смотри - и звезды и надпись. Живого места нет. Немцы тебя сразу приметят.

- Пускай примечают!

Жители Бессарабии встречали освободителей с распростертыми объятиями. Они прекрасно помнили приход Красной Армии в 1939 году. В каком-то селе древний старик обнимал всех по очереди и со слезами на глазах говорил:

- Господи, думал, уж не дождусь! Немцы изрядно похозяйничали на бессарабской земле. Нищета крестьян была ужасающей. Я сам видел, как жители сел подбирали ветошь, которой техники обычно вытирают промасленные руки.

В обстановке удивительного радушия и сердечности мы отдыхали несколько недель. Вскоре, однако, стали заметны приготовления к большим боям. Готовилась знаменитая Яссо-Кишиневская операция. Немцы прекрасно понимали, что из Бессарабии открывается путь на Балканы, и они стягивали сюда самые боевые части. В частности, мы узнали, что на наш участок прибыли опытные летчики, последние части некогда знаменитого воздушного флота Геринга.

- Старые знакомые, - говорили ребята, вспоминая бои на Курской дуге. Значит, снова увидимся. Шел предпоследний год войны.

Эту нахальную "семерку" ребята приметили совсем недавно. Казалось, она безрассудно лезла в самую гущу боя, но там чувствовала себя как рыба в воде: атаковала всегда неожиданно, никому еще не удалось поймать ее в прицел. Сразу было видно, что летал на ней старый и опытный летчик. Фюзеляж семерки украшал любовно выписанный червовый туз.

В моей эскадрилье от "семерки" пострадал Володя Бабкин, хороший пилот, награжденный тремя орденами Красного Знамени, В горячке боя он не заметил злосчастной "семерки", она

спикировала на него откуда-то сверху и подбила пушечной очередью.

Сам Володя был ранен, но успел выброситься на парашюте.

Когда я пришел к нему в госпиталь, Володя чуть не плакал.

- Ведь зло берет, товарищ капитан. Откуда только ее черт вынес? Слышу только - раз - и горю. Такая подлая скотина.

Я как мог успокоил товарища.

- Ничего, Володя. "Семерка" от нас не уйдет. Попадется как-нибудь, Рассчитаемся и за тебя.

- Только не упустите. И следите за ней знаете как! Очень коварная тварь.

- Лежи, лежи. Поправляйся.

Рассчитаться за Володю нам удалось очень скоро. К тому времени господство нашей авиации в воздухе было полным, и мы, несмотря на то, что против нас дрались немецкие асы, иногда позволяли себе такие жесты: "заявляемся" на вражеский аэродром вчетвером или впятером - Телегин, Дунаев, Шут, Корниенко, все Герои Советского Союза, и сбрасываем вызов: "Выходи драться. На взлете бить не будем". Как правило, немцы предпочитали отсиживаться в укрытиях. Вражеская служба наблюдения еще заранее предупреждала своих летчиков: "Ахтунг, ахтунг! В воздухе..." и далее шло перечисление наших фамилий. Немцы тоже приметили наши машины...

С "семеркой" мы встретились в коротком воздушном бою. Я заметил ее еще при сближении с противником, но в самый момент боя она как-то неуловимо исчезла из поля моего зрения. Я видел, как мастерски провел сложный маневр Телегин. Он оттянул на себя несколько вражеских машин и лег в разворот. Немцы устремились за ним. Тогда Федор каким-то искусным нырком заскочил в хвост последнему из преследователей и мощной очередью срезал его.

Очень лихо сбил вражескую машину и Дунаев. Вдруг я почувствовал огромной силы удар по правой плоскости своей машины. Понял: пушечная очередь. Глянул вбок - и близко, совсем рядом увидел хищные очертания немецкого самолета. Это была злосчастная "семерка" с червовым тузом. Немец свалился на меня сверху, дал очередь и, увидев, что я уцелел, свечой пошел вверх.

Однако прошло то время, когда немцы были неуязвимы на вертикалях. Выправив машину, я кинулся в погоню. Немец, как видно, не ожидал преследования и спокойно сделал переворот. В тот момент, когда "семерка" опрокинулась на спину, я всадил в нее длинную очередь. Не закончив переворота, вражеский самолет беспомощно повалился на землю.

В этом бою мне удалось сбить еще один самолет. Вечером пошел в госпиталь к Бабкину. Володя еще издали увидел меня и нетерпеливо приподнялся.

- Лежи, лежи. Все в порядке,

- Встретили?

- Встретил и рассчитался! Даже с процентами получил.

Бабкин удовлетворенно откинулся на подушки.

- Спасибо, товарищ капитан. Володя стал спрашивать о товарищах. Я рассказал, что в бою отличились все:

- И Шут, и Дунаев, и Телегин. Все "получили расчет".

- Ох, скорей бы уж подняться! - проговорил Бабкин. - Так и война может кончиться.

- Еще успеешь. Ребята тебе шлют привет, завтра зайдут проведать.

- Надоело лежать, товарищ капитан. Как утро - привычка уж, что ли? так и тянет на аэродром, Лежу и думаю: сейчас вот позавтракали ребята, получают задание, идут к машинам... Полетели.

- Вот и воюй себе. Мы там, а ты тут. Не заметишь, как и поправишься... Ну, я пошел, Володя. Завтра у Телегина день рождения. Надо кое-что...

- Привет ему. И поздравьте, товарищ капитан.

- Будет сделано,

Утром, в день рождения командира полка, мы с ним остались одни, Федор Телегин выглядел вялым, озабоченным. Я поинтересовался, не случилось ли что.

- Да ничего вроде особенного. Сон мне плохой приснился. И не выходит из головы.

- Бро-ось. Выдумал тоже! Ты что, суеверный, что ли?

- Да просто...

- Забудь! Смотри - я перед полетом бреюсь? Бреюсь! На "тринадцатом" летал? И ничего. Не верю я в приметы.

- Да я и сам... Но вот смутно на душе как-то.

Я внимательно посмотрел в хмурое лицо товарища.

- А может, тебе просто отдохнуть надо? Ведь измотались. Давай-ка отдохни сегодня. День вроде будет спокойный, мы тут сами...

И я уговорил Телегина поехать в деревню, помыться, выспаться и не думать о полковых делах.

Он уехал.

Жизнь на аэродроме шла своим чередом, Летчики получали задания, улетали, возвращались и докладывали о сделанном.

Неожиданно позвонил командир дивизии генерал Баранчук. Он спрашивал Телегина. Я кое-как объяснил его отсутствие и

выразил живейшую готовность заменить его.

- Нет-нет, - ответил генерал. - Сейчас я к вам выезжаю.

Не придется Федору отдохнуть, - подумал я.

Генерал разыскал Телегина в деревне и сам привез его на аэродром. Оказалось, что корпус "петляковых" под командованием самого Полбина идет на бомбежку, и нам нужно не только прикрывать их, но и постараться заранее блокировать вражеские аэродромы. Генерал Баранчук знал о дне рождения Телегина, но задание было чересчур ответственное, по пустякам он, конечно, не стал бы его тревожить.

Понимал это и сам Телегин.

День выдался серенький, облачный - самый неприятный для летчиков. Видимость была никудышная.

Федор распорядился: лететь сегодня "старикам".

Мы поднялись и тут же затерялись в облаках. Шли рассредоточенно, полагаясь в критический момент только на собственны" силы и опыт,

Ближе к цели облачность стала редеть. Временами мы отчетливо видели друг друга. Вскоре в наушниках раздался твердый голос Телегина. Он заметил вражеские самолеты. Навстречу нам шли "фокке-вульф-190".

Пользуясь облачностью, мы рассыпались и решили вести бой каждый в одиночку, без ведомых.

Первым завязал бой Телегин. Он отбил от стаи "фоккеров" одну машину и погнался за ней. Вражеский летчик пытался ускользнуть в облака, но Телегин прицепился к нему намертво. Через минуту из облака вывалился настоящий факел: "фоккер" грохнулся на землю.

Мне не видно было, что произошло дальше, но горящую машину командира полка я узнал сразу. Телегина подбили, и его самолет обреченно летел к земле. Видимо, в облаках он не заметил подкравшегося врага и получил неожиданную очередь...

Излишне говорить, что испытывали летчики нашего полка, да и других соединений, близко знавшие Федора Телегина. А нас с Федором связывала фронтовая дружба, крепче которой, как это знают только однополчане, нет ничего на свете. Я не раз потом вспоминал сон, о котором рассказывал мне Федор утром в день своего рождения и гибели. Что это было - простое совпадение или предчувствие? Не знаю. Много пришлось повидать на фронте, во многое поверить и во многом разувериться...

На следующий день меня вызвал на военный совет командир корпуса генерал Рязанов и приказал принять полк. Я попробовал было сослаться на молодость и неопытность, но... в армии, а тем более на фронте, в боевой обстановке, спорить не принято.

Итак, на плечи мои легли обязанности командира полка. Помимо хлопот, связанных со сложным хозяйством, каким является авиационный полк, я должен был неизменно принимать участие в боевых вылетах. Теперь за мной следили десятки глаз, ибо нигде, как в авиации, не ценится так доблесть командира полка. Как старший товарищ, он обязан быть смелее, искуснее, неутомимее других. В этом отношении он постоянный образец для подчиненных, особенно для молодых летчиков.

Из первых дней моего пребывания на этом посту мне вспоминается один довольно интересный случай.

Вместе с молодым пилотом Виктором Усовым вылетели мы на разведку, Со своим ведомым я заранее договорился, что он будет меня прикрывать, а я наблюдать за местностью и заносить все замеченное на карту.

Слетали мы с пользой. Я засек множество танков, механизированных частей и других войск. Все это немцы сосредоточивали для контрудара.

Стремясь поскорее доставить ценные сведения, мы скоро легли на обратный курс. На бреющем полете миновали линию фронта, вот-вот должен был показаться наш аэродром.

Как потом выяснилось, два немецких истребителя давно уже следили за нами. Не решаясь напасть в открытую, они тоже перешли на бреющий полет и незаметно крались позади, выбирая удобный момент. Такой момент наступил, когда мы стали заходить на посадку: я впереди, Виктор за мной.

Хорошо помню: земля все ближе, прямо перед глазами посадочный знак "Т" - и вдруг панический голос в наушниках:

- Товарищ командир, "мессеры"!

Это с земли заметили вражеских охотников. Все дальнейшее заняло какие-то секунды. Виктор Усов, облетая меня, бросается на врага и сбивает ведомого, но сам попадает под огонь ведущего. Горит "мессершмитт", горит и самолет Усова. Виктор, впрочем, успел выброситься на парашюте и удачно приземлился на своем аэродроме.

- В воздухе остались двое - я и немец. Положение у меня критическое, Я шел на посадку и уже выпустил шасси.

Как стервятник, бросился на мой самолет "мессершмитт". От верной смерти меня спас только счастливый случай. Дело в том, что при выпуске шасси самолет сильно "проседает" в воздухе. Вот это проседание и спасло меня. Я слышал, как над моей головой прошла длинная очередь. Вовремя, очень вовремя просел мой самолет!

Мимо меня промелькнул силуэт "мессершмитта".

Немец разворачивался для новой атаки. На фюзеляже

вражеской машины я разглядел кокетливый пиковый туз. А, старый знакомый. Видимо, решил мстить за своих.

Получив возможность осмотреться, я убрал шасси и приготовился к отражению атаки. Немец уже зашел ко мне в хвост.

Кому из летчиков не знакомо то непередаваемо сложное чувство, когда видишь у себя на хвосте врага, врага опытного, хитрого и беспощадного, врага, который знает твое беспомощное положение и уж постарается не выпустить тебя из когтей!.. Ко всему нужно учесть, что бой происходил на глазах всего аэродрома - летчиков, техников, бойцов охраны, официанток. "Командир полка дерется!.." А у меня нарядная, вся в звездах и с дарственной надписью алма-атинцев машина. Как тут можно было осрамиться?

А "пиковый туз, как ни крути, на хвосте!..

Пулеметной очередью немец разбил мне фонарь, приборную доску, попал в пистолет и парашют. Сам я остался цел, только сильно обожгло ногу.

Итак, вторая атака немца тоже закончилась неудачей. Я уцелел. Теперь нужно было самому переходить в наступление.

Разгадав в "пиковом тузе" опытного летчика, я решил навязать ему бой на глубоких виражах. У меня уже совсем не оставалось горючего, значит, машина намного легче "мессершмитта", к тому же бой на глубоких виражах - дело давно опробованное, знакомое,

Немец, надо сказать, смело лег за мной в вираж, Наши машины неслись друг за другом, находясь почти в перпендикулярном положении к земле. Мне помогло, что мой самолет оказался легче. Повиснув у немца на хвосте, я дал длинную очередь и тоже не совсем точно: разбил ему фонарь, спинку сиденья, ранил летчика. Однако со следующего захода я влепил снаряд прямо в магнето "мессершмитта", Смотрю, "пиковый туз" снизил скорость, пропеллер у него заработал вхолостую и скоро остановился. "Мессершмитт" стал планировать.

Я удержался от соблазна расстрелять его и подождал, пока немец сядет, "Пиковый туз" посадил машину в трех километрах от летного поля.

Я перевел дух. Хотя бой длился всего каких-нибудь семь минут, усталость была страшная. Горючего в баке не осталось ни капли.

Сверху вижу, как к немецкому самолету подбежали наши ребята, сбитый летчик вылез из машины и отдал пистолет.

Когда я сел, пленного уже привели к землянкам. "Пиковый туз" оказался плечистым, сильным парнем лет двадцати восьми.

На груди его красовалось четыре креста, Из короткого допроса, который учинили тут же, выяснилось, что немца зовут Отто. Воюет он давно, сражался с французскими, английскими, польскими летчиками. За все время сбил семьдесят самолетов. Из них больше тридцати - русских,

- Ах ты, гад! - прошептал кто-то.

За подвиги на русском фронте Гитлер наградил "пикового туза" "Дубовыми листьями к рыцарскому кресту - знак высшей воинской доблести в немецкой армии. Награды фюрера, однако, Отто еще не успели вручить - он ждал ее со дня на день...

На следующее утро к нам на аэродром приехал маршал Конев в сопровождении группы генералов. Приезд маршала застал нас врасплох. Но мы быстро привели все в порядок, и я встретил гостя рапортом.

- Благодарю, благодарю, - проговорил маршал, изучая меня живыми, прищуренными глазами. - Просто молодец!

- Служу Советскому Союзу, товарищ маршал Советского Союза!

- Хорошо, хорошо. Значит, что же - есть еще возможность увеличить счет? - спросил Конев, выслушав рассказ о поединке над аэродромом.

- Так точно, товарищ маршал Советского Союза.

Потом мы все прошли к сбитому немецкому самолету и сфотографировались.

Тут же, на поле аэродрома, маршал сказал командиру корпуса генералу Рязанову:

- Я бы хотел иметь сегодня же документ о представлении капитана Луганского ко второй Звезде Героя.

Уставным "слушаюсь" командир корпуса принял к исполнению приказ маршала.

Радостную весть о присвоении мне звания дважды Героя Советского Союза принес техник Иван Лавриненко. Запыхавшись от бега, ввалился он ко мне в землянку:

- Товарищ капитан... Товарищ... Присвоили! Сам слыхал. Сейчас только.

Я не вытерпел и побежал на радиостанцию. Да, ребята слышали указ. Они шумно обступили меня. Поздравления, объятия. Молодецкие шлепки по спине. Требование отметить событие, сейчас же, не откладывая...

Утром пришли поздравительные телеграммы - от маршала Конева, от генералов Рязанова, Алексеева, Баранчука. Телеграммы читали всем полком,

- Гляди, Батя-то какой разразился! - сказал кто-то из офицеров, тронутый длинной, очень теплой телеграммой

Алексеева.

- Ну, ребята, - сказал я, - сегодня, пожалуй, устрою себе выходной. Вы уж без меня поработайте.

- Еще бы!

- Конечно!

- Но вечером... О, вечером ты не отделаешься так, как вчера. Так что готовь к вечеру настоящий праздник.

И очередной боевой день начался.

Друзья улетели, я отдал распоряжение о приготовлениях к вечеру и ушел с аэродрома. Мне хотелось побыть одному, привести свои мысли и чувства в порядок. Все награды, какими удостоила меня Родина, я неизменно воспринимал, как свой неоплатный долг на будущее. Смогу ли я когда-нибудь оплатить его? Партия и народ щедры, мне, сыну простого русского крестьянина, оказана высокая честь - дважды Герой страны Советов! Как жаль, что отец не дожил до этого дня!.. И перед моим мысленным взором вновь и вновь проносились дорогие сердцу картины: суровое лицо деда Афанасия, наш маленький домик в Алма-Ате, где прошло мое детство, мать, сестры множество отрывочных, но крепко вошедших в память фронтовых воспоминаний: бои, удачи и неудачи, погибшие товарищи...

Вечером я возвращался на аэродром с чувством глубокого душевного покоя. Человек живет и исполняет свои обязанности. Они скромны и велики, эти обязанности. Скромность их в обыденности повседневных человеческих поступков, величие - в исторической грандиозности задач, которые начертал в Октябрьские дни семнадцатого года Ленинский гений и которые отстаиваем мы теперь в смертельной схватке с врагом.

НА ЗАПАД

Наступал завершающий период войны. Гремели бои под Львовом и на Сандомирском плацдарме. Солнце фашистского рейха клонилось к закату,

Мощные удары Советских войск сотрясали фронт на всем его протяжении, от стен героически сражавшегося Ленинграда до предгорий Карпат.

В те дни в войсках и в тылу очень много говорили об открытии второго фронта в Европе. Однако союзники не торопились. Советская Армия по-прежнему в одиночку ломала хребет издыхающему, но все еще сильному врагу.

В первой половине 1944 года слухи об открытии второго фронта поползли с небывалой силой.

Не помню точно дату, но случилось это в один из погожих весенних дней. К нам на фронт приехала американская делегация. В ее составе были генерал командующий

стратегической авиацией, которая совершала челночные операции с запада на восток и обратно, два генерала и полковник. Американских гостей привезли в наш полк.

Делегация прилетела на самолете, которым управлял мой добрый знакомый Виктор Григорьевич Грачев. Я поинтересовался, с какой миссией прилетели высокие гости. Виктор Григорьевич усмехнулся:

- Да вот ездят, смотрят. Все рассчитывают, не пора ли открывать второй фронт? И прогадать не хочется и опоздать опасно. К дележу-то могут и не пустить...

- Эге. Ничего себе - гости.

- Ну, они уж, кажется, многое видели. Это ж не первый год войны. Посмотреть теперь есть что. Чего-чего, а такого они не ожидали. Думали, у нас уж тут совсем... Ладно, пошли. Зовут.

Нужно сказать, что американцы проявляли поразительную любознательность и деловитость. Их сухощавые подтянутые фигуры в несколько необычной для нас форме цвета хаки мелькали повсюду. Гости интересовались материально-технической оснащенностью полка, наградами летчиков, потерями в боях, спрашивали наше мнение о противнике. Словом, они взвешивали и рассчитывали.

В первый же день с американскими гостями произошел небольшой курьез. Не успели они как следует освоиться - на наш аэродром налетели несколько "фокке-вульф-190". Немецкие самолеты появились неожиданно, сбросили лишь несколько мелких пехотных бомб. Тотчас в воздух поднялось звено наших истребителей под командой Виктора Усова, В коротком бою над самым аэродромом Усов сбил один самолет, остальные поспешили уйти восвояси.

Налет как налет, бой как бой. На фронте мы к этому привыкли. Но американцы порядком испугались. Помнится, летчиков наших это поразило. Лишь некоторые рассудительно пояснили: чему же удивляться? Ведь американцам еще не приходилось воевать...

Конфуза гостей мы постарались не заметить. Вечером в общей землянке был накрыт праздничный стол. Хозяева и гости расселись кто где хотел. Американцы оказались веселыми, общительными людьми. После нескольких тостов за победу, за дружбу русских и американцев создалась весьма непринужденная обстановка. Шум, смех, мешается русская и английская речь.

Генерал Рязанов попросил внимания и завел речь об открытии второго фронта.

Развеселившиеся американцы готовы были говорить о чем угодно, только не об этом щекотливом деле. Генерал бросил

несколько ничего не значащих, общих фраз и поспешил перевести разговор. Но Рязанов гнул свое. С невинным выражением лица он попросил перевести гостям следующий анекдот. Какой-то чудак, удобно расположившись у бочки с водой, неторопливо отчерпывает в ведро чайной ложкой. "Да чего ты мучаешься? Возьми и отлей сколько нужно". "Зачем? - отвечает чудак. - Мне торопиться некуда".

Генерал, ничего не сказав, только рассмеялся и погрозил Рязанову пальцем.

Американцы, подвыпив, попросили музыки и танцев. Мы вспомнили, что кто-то из наших по вечерам пиликает на баяне. Послали за баянистом.

Было уже поздно, и я хотел незаметно уйти. Уже в дверях я расслышал громкий голос американского полковника, просившего баяниста сыграть вальс Штрауса, Мне стало смешно: наш баянист умел играть только барыню.

На другой день американцы получили возможность увидеть всю мощь советской авиации, Началось наступление, и над нашими головами нескончаемым потоком шли тяжелые эскадры бомбардировщиков, "петляковых", штурмовиков, надежно прикрытых истребителями. Самолеты шли несколькими ярусами. Зрелище было внушительное. Американцы смотрели с серьезными лицами. Не знаю, но, быть может, именно эта картина несокрушимой воздушной мощи России, которую гости наблюдали с нашего аэродрома, заставила союзников поторопиться. Во всяком случае, вскоре после этих событий мы узнали, что второй фронт в Европе открыт.

В тот же день наши гости попросили показать им воздушный бой. Они еще не видели "Яковлевых" в деле. Я подумал, что как раз вчера им представлялся прекрасный случай посмотреть настоящий бой наших истребителей с "фоккерами", но... Словом, я ничего не сказал о вчерашнем конфузе американцев и распорядился поднять в воздух две боевых машины.

Взлетели Кузьмичев и Шут. Сначала они продемонстрировали несколько фигур высшего пилотажа, а затем провели показательный воздушный бой. Американцы, задрав головы, внимательно наблюдали. Высокий сухопарый полковник горячился, о чем-то живо рассказывал генералу. Тот коротко отвечал.

Едва самолеты наших товарищей приземлились, американский полковник, размашисто шагая, подошел к одной из машин, быстро оглядел ее со стороны, затем ногтем постучал по крылу. По лицу его скользнула снисходительная усмешка. Он постучал еще раз и прислушался.

- Да-да, - сказал я. - Фанера. Настоящая фанера.

- О! - воскликнул полковник и что-то быстро залопотал.

Я не стал ждать перевода.

- Фанера, но вашу "кобру", между прочим, с одного захода - фьють!.. Это точно.

Полковник выслушал перевод и добродушно рассмеялся:

- Не может быть!

- Ах, так!

Поспорили. Полковник, разгорячившись, скинул пилотку и быстрыми шагами направился к "кобре", Мне ничего не оставалось, как садиться в свой ЯК.

Взлетели. Американец управлял самолетом четко и уверенно. Сошлись раз и разминулись. Снова стали сближаться. После второго захода я "прицепился" к хвосту американца и уже не выпускал его. Устав, полковник повел самолет на посадку.

На аэродроме он горячо пожал мне руку, похлопал по плечу и, отцепив от своего погона литой значок, изображавший орла, протянул мне:

- Желаю стать полковником!

Я подарил ему зажигалку. Полковник повертел мой подарок в руках и растерянно обратился к генералу. Переводчик с улыбкой перевел:

- Не понимает, почему именно зажигалка. Говорит, может быть, это намек? Мало огня к войне?

Раздался общий дружный смех.

Дядю Мишу, так звали мешковатого пожилого бойца аэродромной охраны, знал весь полк. Был дядя Миша угрюм, неразговорчив, но тем не менее отзывчив на любое чужое горе. До войны жил и работал в Ленинграде вагоновожатым трамвая. Дядю Мишу призвали на фронт, а его семья осталась в осажденном Ленинграде.

Когда сняли блокаду Ленинграда, дядя Миша получил долгожданное письмо. Об этом с радостью узнал весь полк. Но письмо было безрадостным. Я читал его и помню старательный детский почерк: "Вчера схоронил мамку на саночках на кладбище... Папка, бей немцев хорошенько..." - писал сынишка дяди Миши, оставшийся теперь сиротой в огромном городе.

Дядя Миша ни о чем не просил, Ребята сами собрали крупную сумму денег и снарядили старика в Ленинград в краткосрочный отпуск: устроить сына в детский дом.

Помнится, мы с Кузьмичевым собрались в полет, парой, на свободную охоту. Дядя Миша подошел попрощаться. Я стоял на плоскости самолета, надевал парашют.

- Едешь, дядя Миша?

- Еду. Спасибо за все, товарищ командир.

- Ну что ты, дядя Миша. Передавай привет сыну. Устраивай его получше и возвращайся.

Старик вытер глаза.

- Ничего, дядя Миша, сейчас мы получим с немцев и за твоих. Дай только встретить.

- Дай вам бог... Дай бог.

Не знаю почему, но все время пока мы с Кузьмичевым летали, у меня перед глазами стояла сгорбленная несчастная фигура плачущего старика.

От тяжелых раздумий меня отвлек голос моего напарника, Кузьмичев заметил четыре самолета противника. Четыре? Я внимательно вгляделся. Да, навстречу нам шла четверка вражеских истребителей,

- Иван Федорович, - сказал я в микрофон, - держись ближе. Это они.

О дружной четверке немецких асов мы уже слыхали. Они неизменно появлялись вчетвером, ходили боевым строем, дрались слаженно и лихо. Ребята не раз жаловались на них,

Немцы приблизились, и мы увидели окрашенные в яркий красный цвет капоты вражеских машин. Сомнений не было - это та самая четверка.

Нас с Кузьмичевым двое, и это заставляло задуматься. Ввязываться в открытый бой - опасно. Удирать - как-то неловко, Что же предпринять?

Впереди по голубому безмятежному небу плыло одинокое облако. Может быть...

- Иван Федорович, оттянись. Оттянись! Зайдем в облако и сделаем переворот.

Летать с Кузьмичевым мне приходилось не раз, и мы научились с полуслова понимать друг друга.

На виду у немцев наши самолеты нырнули в облако. Немецкие асы, надо полагать, только усмехнулись такой детской уловке и, не меняя боевого строя, стали ждать, когда мы появимся. Собственно, мы и не рассчитывали, что немцы ринутся за нами в облако. Это было бы глупо. Немцы ожидали нас внизу, готовясь сразу же расстрелять в упор, а мы, едва скрывшись в облако, перевернулись и, резко изменив курс, вынырнули над самыми головами немцев.

Спикировав сверху, мы сразу сбили два вражеских самолета, Оставшаяся пара упала в затяжное пике, перешла на бреющий полет и пошла прочь.

- Домой, Иван Федорович, - сказал я, - Хватит. Я еще надеялся застать дядю Мишу и сообщить ему весть о расплате, но не успел

- старик уже уехал.

Ну и выдался денек!

С утра нашему полку была поставлена задача прикрывать штурмовики. Дело хоть и привычное, но, прямо скажу, не совсем приятное, потому что штурмовики обычно привлекают на себя такой огонь, такое количество истребителей, что после боя порой не верится: каким чудом удалось уцелеть? Между нами, истребителями, прикрытие штурмовиков считалось делом тяжелым и чрезвычайно опасным. Мы сильно завидовали тому же Александру Покрышкину, который со своими ребятами забирался на огромную высоту и там парил, высматривая добычу. Свободная охота! Чего лучше?!

Вот и сейчас, когда мы идем над грузно гудящими штурмовиками, я узнаю высоко вверху знакомые силуэты "кобр". Это восьмерка истребителей под командой Александра Покрышкина. Счастливцы!.. Во всяком случае, думаю я, если только придется туго, бросим клич. Помогут.

В воздухе повисли дымные букеты разрывов. Я глянул вниз: линия фронта. Бьет зенитная артиллерия Штурмовики, не обращая внимания на заградительный огонь, деловито принимаются за привычное дело. По опыту знаю, что сейчас нагрянут "мессершмитты". Так и есть. Торопятся. Но сколько же их? Откуда такое множество?

Бой завязался нелегкий. Немцы, пытаясь использовать свое численное превосходство, бросили одну группу против истребителей, другую - против штурмовиков. Везде успевать было трудно. Я крикнул в микрофон:

- Сокол... Сокол..., - позывные Покрышкина, - Сокол, черт! Саша, неужели не видишь?

Четверка истребителей Покрышкина поспешила нам на помощь.

"Кобры" стремительно свалились сверху, подожгли два "мессершмитта" и внесли панику в строй врага. Немцы отхлынули.

Тем временем ИЛы, закончив штурмовку, повернули домой. Я поблагодарил Покрышкина за помощь, и мы устало потянулись на свой аэродром,

Это было лишь начало дня.

После обеда кто-то из летчиков, вернувшись с задания, стал рассказывать, что видел у немцев какой-то небывалый самолет: летает как метеор, сзади него вьется пятиметровый огненный хвост. Пропеллера нет совсем. Дьявол какой-то. Угнаться за ним невозможно...

Неужели немцы пустили реактивный истребитель?

Желая убедиться в этом чуде собственными глазами, я сам несколько раз поднимался в воздух и наконец увидел небывалый самолет. Да, все было так, как рассказывал наш летчик. Немцы сконструировали реактивный истребитель МЕ-163.

Мне довелось наблюдать его в бою. Обладая небольшим запасом горючего, самолет некоторое время свободно планировал над своей территорией, выбирая для атаки удобный момент. Но вот взревели моторы, истребитель набирает огромную скорость и, оставляя после себя длинный хвост огня, устремляется в бой. Он пронизывает наши порядки снизу вверх. Попадается ему штурмовик сбивает штурмовика, "петляков" или истребитель - сбивает того и другого. Удивительный самолет!

Мы сначала ударились в панику, но потом нашли способ бороться и с реактивными. Благо, на фронте их было очень мало, буквально единицы. Первым сбил реактивный истребитель наш летчик Гари Марквеладзе. Увидев, что за ним гонится реактивный, Гари подпустил его поближе, затем ловко вильнул в сторону, и когда немец, разогнавшись на страшной скорости, пролетал мимо, срезал его пулеметной очередью. Немца погубила скорость. Он был лишен возможности маневрировать.

Сбитый самолет осматривала специальная комиссия из Москвы. Гари Марквеладзе получил орден Красного Знамени...

Трудно начавшийся день завершился печально. В воздушном бою мы потеряли хорошего летчика, Героя Советского Союза Ивана Корниенко. Получив ранение, Иван нашел силы посадить машину, но на земле потерял сознание. Очнулся он от грубых толчков. Открыл глаза: какие-то люди в непонятной форме. Не немцы, но и не наши.

- Вылезай, друг. Отлетался.

Это были власовцы.

Пленного летчика поместили в лагерь, Иван потом рассказывал о мучениях, которые ему пришлось испытать. Он показывал уродливые шрамы на теле - следы рваных ран от зубов овчарок. "Звери, а не люди", - рассказывал Корниенко.

В конце концов Корниенко удалось бежать из плена, и он вернулся в родной полк. Но случилось это много позднее, когда мы были уже в Германии.

Германия... Мы на немецкой земле! Свершилось то, о чем мы мечтали в тяжелые дни Ростова и Сталинграда, исполнилось желание умиравших, но не сдавшихся ленинградцев и одесситов, Севастопольцев и москвичей.

Русские солдаты шагали по земле фашистской Германии, русские танки грохотали по великолепным автострадам, по которым устремились на восток завоеватели мирового

господства, нашедшие смерть на бескрайних просторах России. В немецком небе проплывали эскадры краснозвездных машин. Теперь они летели не на Курск и Смоленск, не на Белгород и Харьков. Нет, на наших штурманских картах теперь были Дрезден и Берлин.

Мы помнили Бабий яр и ленинградских дистрофиков, мы помнили печи Освенцима и Майданека, мы не забыли слез русских вдов и сирот, оставшихся на пепелищах сотен и тысяч городов и сел.

Мы принесли в Германию огромный счет, по которому нам предстояло получить. Мы пришли мстить. Мстить, но не уничтожать, Мы пришли сюда со светлой, благородной миссией - растоптать свастику, развеять по ветру прах фашизма.

Русские в Германии. Я помню испуг немецкого обывателя, ожидавшего звериной ярости победителей, а вместо этого получившего паек из солдатских ротных котлов. Я помню немецкую детвору, худеньких напуганных ребятишек, к которым настолько привязались наши летчики и официантки, что плакали, когда приходилось перебазироваться на новое место. Иван Корниенко, сбитый немцем русский летчик, истерзанный в немецком плену, он, бывало, плакал скупыми злыми слезами, вспоминая издевательства в лагере, но как он ласков и нежен был с немецкими ребятишками. В душе этого русского ничем нельзя было вытравить светлые отцовские чувства...

Русские на немецкой земле... Помню, как в благоговейном молчании стояли мы в Бунцлау, у могилы, где похоронено сердце победителя Наполеона русского полководца М. И. Кутузова. Через Бунцлау уже отступали битые русскими орды завоевателей, через Бунцлау шла дорога позора захватчиков и торжества победителей. И как гимн священному оружию советского солдата читали мы, наследники Кутузовской славы, скупые строки эпитафии на памятнике русскому фельдмаршалу: "До сих мест князь Кутузов-Смоленский довел победоносные Российские войска, но здесь смерть положила предел славным дням его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя".

ЭПИЛОГ

В Германии стояла ранняя весна, весна нашей победы. Советские войска окружили последний оплот фашизма - Берлин. Вот-вот должно было взвиться алое знамя над рейхстагом.

Солнечным мартовским днем меня вызвали в штаб фронта. Ехал я в хорошем настроении. В те дни слово "победа" не сходило с наших уст. Но в штабе фронта от моего настроения не осталось и следа: оказывается, я уже отвоевался. Командование посылало

меня на учебу в Военно-Воздушную Академию.

Говорил со мной командующий фронтом маршал Советского Союза Конев. Я горячился, что-то доказывал. Маршал снисходительно покачивал головой.

Выслушав все мои возражения, Иван Семенович грустно усмехнулся:

- Не хочется. Да я бы на твоем месте... Да что - на твоем, я бы сейчас с радостью поехал учиться! Понятно? А ты... Эх вы, молодежь!

Маршал поднялся, прямясь своим ладно сбитым солдатским телом, затянутым в мундир. Годы, казалось, нисколько не имели над ним власти. Он был такой же, каким я его видел под Курском, затем под Львовом на аэродроме нашего полка, таким он остался и после войны - на параде Победы, где маршал вел наш сводный полк, на работе в Министерства Обороны, где мне довелось бывать у него на приеме...

Прощаясь, Конев поинтересовался, хорошо ли я экипирован для поездки в Москву. Признаться, мысль об этом мне и в голову не приходила. Все время на войне - о таких вещах и думать отвыкли.

- Эх, ты, - мягко заметил Иван Семенович, - воевал-воевал, а в Москву в одной гимнастерочке собираешься? О фронте забывай теперь, начинается другая жизнь.

Маршал распорядился обеспечить меня всем необходимым. В частности, лично от себя он подарил мне великолепный трофейный "мерседес".

Сборы в дорогу были недолги. Сдав полк и распрощавшись с друзьями, я ранним утром вывел свой "мерседес" на отличную автостраду. Теперь путь мой лежал на восток, домой. Прямо передо мной вставало солнце, в лицо бил ветер родных полей. Фронт оставался все дальше позади, позади оставался весь привычный уклад военной жизни. Я ехал в Москву, к новой жизни.